ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 81 (3110) Четверг, 9 июля 1953 г. Цена 40 коп.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

САДЫ ВДОЛЬ ДОРОГ

Автобус дальнего следования идет по шоссе на предельной скорости. Однообразный степной пейзаж. И вдруг...

— Вишневый сад! — восклицает один из пассажиров...

Вишневый сад вдоль дороги тянется километр, другой, третий. На молодых, только что вступающих в пору плодоношения деревьях ярко, ярко розовые плоды. Автобус замедляет ход у остановки — заросшей густой зеленью беседки. Построена она у самой дороги для путников и прохожих. Поодаль — снова фруктовые деревья.

Примерно так выглядит один из участков автомобильной магистрали Москва — Симферополь. Правда, фруктовых насаждений здесь еще немного: тянутся они лишь на пятнадцать километров. Это только начало большого доброго дела, которым занялись дорожники. Сбывается давнишняя мечта советского человека о тени для путника — дорогах, украшенных садами.

— Кто инициатор посадки садов вдоль дорог? — спросили мы инженера-садовода П. Сарсатских, возглавляющего эту работу в Управлении шоссейных дорог Министерства путей сообщения СССР.

Старейший садовод, участвовавший в закладке многих парков, садов и рощ, оказался в затруднении:

— Разве ответишь, кто первый? Много уже садов вдоль дорог посажено у нас, хотя мы только у начала этого дела. На Симферопольской дороге высажена вишня, а если поедете по дороге Ужгород — Мукачево на Украине, там черешня, тянется она на двадцать километров. Сейчас черешня созревает—белая, желтая, розовая, красная. Когда деревья окончательно разрастутся, путник сможет не только отдохнуть в тенистой беседке или под раскидистой кроной дерева, но и попробовать сочных ягод. А еще десять километров дороги обсажены грецким орехом.

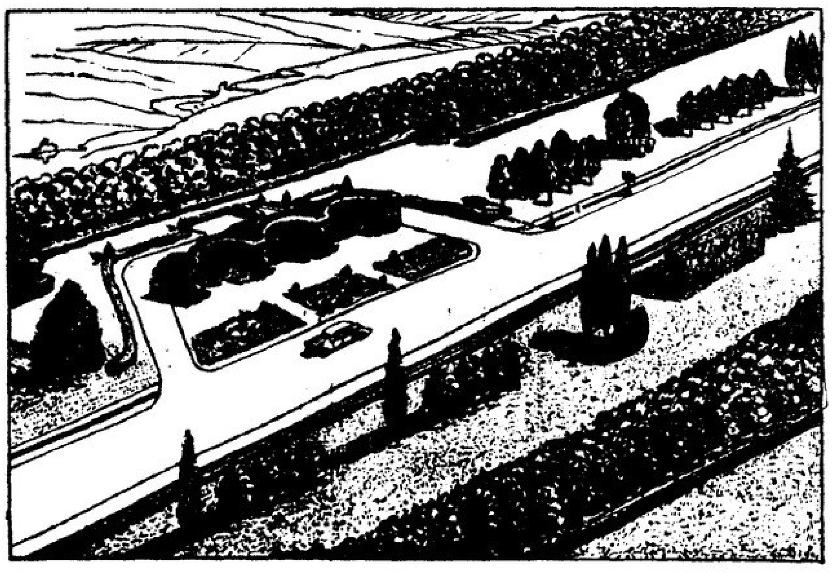
Сады вдоль дорог создаются, как правило, из одинаковых пород. В одном месте — вишня, в другом — черешня, а вот на дороге Бычков — Берегово — Чоп на пятьдесят километров тянутся посадки яблони. Двадцать километров яблони вдоль дороги Бычков—Рахов. На дорогах Винницкой области — заросли плодоносящей сливы.

Украина сделала больше всех, но посадка фруктовых деревьев вдоль дорог ведется и в других республиках. В Чувашии, например, вдоль дороги Чебоксары — Канаш еще до войны были высажены сто тысяч кустов смородины и шиповника. Начинают украшаться садами и дороги, ведущие к Москве. Тысяча яблонь высажена два года назад на Поклонной Горе, там, где к столице подходит автомобильная магистраль из Минска. На Ленинградском шоссе, сразу же за Химками, в этом году впервые цвели вишневые деревья, образующие двухкилометровую аллею.

— Кто сажает эти сады?

— Дорожные мастера, а их много тысяч, служащие автомобильных станций, иногда приходят на помощь колхозники. Управление шоссейными дорогами разработало специальные правила (схему) озеленения.

Вот как должна выглядеть дорога:

За кюветом — декоративные кустарники, фруктовые деревья, а за ними — лесные полосы для защиты дороги с обеих сторон от снежных заносов. В лесной полосе одна треть насаждений также должна состоять из фруктовых деревьев. В местах пересечения дорог и у автобусных остановок предложено строить беседки для отдыха, тенистые навесы, скамейки, высаживать цветы. Дорожники, кроме того, ставят своей ближайшей задачей—заложить сады на всех приусадебных участках ремонтников, вокруг автомобильных станций и автобусных остановок, заправочных пунктов, ремонтных мастерских и других строений, встречающихся на дорогах.

По примеру работников государственных дорог колхозники создают теперь фруктовые сады вдоль дорог республиканского и местного значения.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ...

Какие произведения классиков и современных писателей зарубежных стран выйдут до конца года? Этот вопрос корреспондент «Литературной газеты» задал начальнику управления издательств Главиздата Министерства культуры СССР тов. А. Щербакову.

— Список книг, которые выйдут до конца года, очень обширен,— ответил он.— Центральные издательства дадут много однотомников и отдельных произведений мировой классики.

В числе этих книг: однотомники сочинений Д. Байрона, В. Шекспира, Ф. Шиллера, П. Бомарше, Э. Золя, М. Твена, Б. Шоу, У. Уитмена. В однотомник П. Бомарше, в частности, помимо известной трилогии («Севильский цирюльник», «Женитьба Фигаро» и «Виноватая мать»), войдут пьесы «Тартар» и «Евгения», а также впервые публикуемые на русском языке мемуары писателя. В массовой серии Гослитиздата тиражами от 75 до 300 тысяч экземпляров выйдут рассказы О. Бальзака, А. Додэ, Г. Мопассана, О. Генри и избранные песни П. Беранже.

В нынешнем году советские читатели познакомятся и со многими произведениями классиков и современных писателей стран народной демократии. Впервые на русском языке выйдет знаменитый исторический роман XII века китайского писателя Ло Гуанчжуна «Троецарствие», будут изданы повести и рассказы современных китайских писателей.

Читатель получит романы: немецких писателей Т. Манна «Будденброки» и А. Цвейга «Воспитание под Верденом», К. Миксата (Венгрия) — «Странный брак», Н. Филимоно (Румыния) — «Старые и новые мироеды», «Земля»—Ли Ги Ена (Корея), однотомники избранных произведений И. Караджале (Румыния), С. Чеха, К. Чапека (Чехословакия), Л. Стоянова (Болгария), Е. Богушевской (Польша).

Появятся отдельные сборники рассказов, повестей, песен, стихов венгерских, румынских, словацких, китайских, польских и албанских авторов.

Издательство иностранной литературы даст читателям избранные произведения Назыма Хикмета, роман австралийской писательницы К. Причард «Крылатые семена» — о борьбе рабочих на золотых приисках Австралии, стихи, посвященные борьбе за мир, финского писателя А. Эйкия, сборники индийских, пакистанских и турецких рассказов.

Здесь пела Прасковья Жемчугова

Все было необычно в Останкинском дворце-музее. Стеариновые свечи пяти громадных хрустальных люстр и подсвечников слабо освещали просторный с колоннами Концертный зал. Зажжены были и курильницы с пахучей смолкой, как бывало в особо торжественные дни. В этом зале сто пятьдесят три года назад в последний раз пела крепостная крестьянка Прасковья Ивановна Жемчугова, которую в народе любовно называли «наша Параша».

Вот ее арфа. Она часто играла на ней в последние годы своей жизни. Рядом — старинное фортепиано и виолончель работы крепостного мастера И. Батова, прозванного иностранцами «русским Страдивариусом». Зажжены свечи, расставлены кресла для зрителей, окна распахнуты настежь в парк, слышны звуки старинных музыкальных инструментов — все это невольно переносило нас в крепостной Шереметевский театр конца XVIII века.

Этот вечер, состоявшийся на днях, был посвящен 150-летию со дня смерти П. И. Жемчуговой (1768—1803 гг.). Собрались сюда люди самых различных профессий: колхозники подмосковного села и искусствоведы, рабочие завода «Калибр» и учителя, представители музыкальной и театральной общественности столицы, студенты. В центре зала, весь в живых цветах, знакомый многим по открыткам и репродукциям портрет Параши.

Параша, дочь крепостного кузнеца, семи лет от роду была определена в труппу Останкинского театра. В десятилетнем возрасте она уже выступала на сцене. Яркое драматическое дарование, прекрасный голос и высокая музыкальная культура скоро сделали ее знаменитой; она пела более чем в пятидесяти операх.

Трагично сложилась жизнь крепостной актрисы. Она стала женой графа Н. П. Шереметева, но была затравлена его приближенными и родней. Еще молодой—ей было 35 лет—она умерла от чахотки.

После доклада о жизни прекрасной русской актрисы, сделанного Н. Елизаровой, состоялся концерт музыки XVIII века. Он начался народной песней, сложенной крепостными Шереметева в честь Параши. Были исполнены арии из старинных опер, романсы и песни, которые любила она петь.

В. ЗОЛОТОВ

Якоб Кайзер—министр провокаций

Д. МЕЛЬНИКОВ

В шуме клеветнической кампании, поднятой в последнее время американской буржуазной печатью и ее западногерманскими подголосками после скандального провала провокации иностранных наймитов в Берлине, для многих на Западе осталось незамеченным одно незначительное, на первый взгляд, событие, которое тем не менее проливает весьма определенный свет на всю эту фашистскую авантюру. Мы имеем в виду тот факт, что в ночь на 17 июня в Западный Берлин прибыл из Бонна Якоб Кайзер, так называемый «федеральный министр по общегерманским вопросам». Именно он — это было позже установлено документально — и взял в свои руки управление всей «деятельностью» фашистских молодчиков, бесчинствовавших 17 июня в демократическом секторе Берлина.

Кто же такой Якоб Кайзер?

Среди обитателей «стеклянного зверинца» — так западногерманские политики называют парламент в Бонне—«федеральный министр по общегерманским вопросам» занимает совсем особое место... Если канцлер Аденауэр любит давать интервью и без стеснения рекламирует тот факт, что розы в его саду стоят восемьдесят тысяч, а диваны в его кабинете — двести пятьдесят тысяч марок, то Кайзер по сравнению с ним — это воплощенная скромность... Если боннский министр внутренних дел Лер обожает появляться под эскортом своих молодчиков эсэсовского образца, то Кайзер предпочитает одного незаметного телохранителя... И если, наконец, Бланк, фактический военный министр Бонна, не скрывает своей приверженности к генеральскому мундиру, то Кайзер всегда подчеркивает, что он — личность сугубо штатская...

В боннском государстве Якоб Кайзер играет роль, которую можно сравнить, пожалуй, с ролью пресловутого «серого преосвященства» Жозефа де Трембло — секретного агента кардинала Ришелье. Отталкивающая фигура этого человека осталась в истории как один из образчиков готового на все организатора запутанных интриг и тайных покушений, всегда ухитрявшегося при этом оставаться в тени. В наши дни, в середине XX века, «министр по общегерманским вопросам» пытается возродить практику старинной «дипломатии плаща и кинжала», оснащенной лишь новейшими американскими пистолетами-пулеметами и бутылками с воспламеняющейся смесью...

Поистине, Якоб Кайзер с его манерами святоши — это «серое преосвященство» боннского кабинета. Недаром, завидев Кайзера, умолкают парламентарии в кулуарах бундестага... И только тогда, когда его тощая фигура скрывается, вслед ему слышится приглушенный шопот...

В официальных боннских источниках о Кайзере — не в пример другим деятелям боннской клики — сообщается чрезвычайно мало. Просмотрите все западногерманские газеты подряд, даже самые падкие до всяческой скандальной «светской» хроники, — вы ничего не найдете в них ни о времяпровождении, ни о личной жизни, ни о деловых планах «министра по общегерманским вопросам». Самые дотошные боннские журналисты, свободно шныряющие в цветниках Аденауэра и в бывшей казарме — резиденции Бланка, явно побаиваются заглядывать в штаб-квартиру Кайзера.

Все это, разумеется, происходит неспроста. Министерство Кайзера в Бонне строго засекречено, а его главе придан ореол таинственности. Но, как говорится, шила в мешке не утаишь: до того времени, как Кайзер вынырнул в Бонне, он прожил уже шесть десятков лет. За эти годы нынешний «министр по общегерманским вопросам» успел совершить немало темных дел. Стоит поэтому напомнить здесь о некоторых фактах из его биографии...

Свою карьеру Якоб Кайзер начал более сорока лет назад в немецких желтых профсоюзах. В 1918 году он уже занимал пост управляющего делами одного из профсоюзов в Кельне. С тех пор многие годы Кайзер являлся типичным профсоюзным бонзой. Именно в немецких желтых профсоюзах, подобно всем прочим ренегатам, начавшим свою карьеру в качестве агентов буржуазии в рабочем движении, он приобщился к грязной торговле интересами трудящихся Германии.

С 1918 по 1933 год Кайзер постепенно, но неуклонно поднимался по ступенькам иерархической лестницы. Накануне прихода к власти гитлеровцев он успел уже попасть в рейхстаг в качестве депутата от католической «партии центра»...

Правда, в период фашистской диктатуры дела профсоюзного бонзы Кайзера несколько пошатнулись. Роберт Лей, гитлеровский министр по вопросам «рабочего фронта», был не таким человеком, чтобы делить свою власть и привилегии с кем бы то ни было, даже с Кайзером и его коллегами, которые предали немецкое рабочее движение и выдали его гитлеровцам.

Однако хозяева Германии — немецкие империалисты — отнюдь не собирались окончательно сбросить со счетов Кайзера и ему подобных. Поставив у власти фашистскую клику, они хранили таких людей, как Якоб Кайзер, в резерве. Так, за спиной «высоких покровителей» Кайзеру и другим германским политикам подобного толка удалось благополучно пересидеть все двенадцать лет фашистского режима...

Немудрено, что в Западной Германии Кайзера встретили с распростертыми объятиями. Он был тут же назначен редактором газеты «Дер таг» — одной из наиболее реакционных и клеветнических газет Западной Германии. Вскоре его включили в «парламентский совет» — прообраз нынешнего бундестага. Кайзер стал одновременно представителем западногерманских милитаристов в так называемом «совете европейского движения». В 1949 году, после образования боннского «рейха», Кайзер становится министром в правительстве Аденауэра и одновременно избирается заместителем председателя правящей партии — ХДС, то есть заместителем того же Аденауэра...

* *
*

Как-то в минуту откровенности Теодор Бланк в интервью с корреспондентом одной из западногерманских газет заявил: «Мы все работаем для «дня икс». Подобное признание никогда не могло вырваться у Якоба Кайзера. Во время тайных совещаний, в тиши кабинетов, с глазу на глаз со своими агентами в Западном Берлине — это другое дело: там он может быть откровенным. Но во всеуслышание признаться в том, что вся клика Аденауэра занимается подготовкой «дня икс», то есть подготовкой фашистской диверсии против немецкого народа, — нет, такого промаха Кайзер никогда не смог бы совершить...

А между тем Кайзер больше, чем кто-либо другой из аденауэровских министров, поработал для «дня икс». Но делал он это исподтишка, со всем коварством, свойственным его характеру, со всей изощренностью, воспринятой им у своих учителей — агентов Ватикана.

Вот один из примеров работы иезуита Кайзера. В феврале 1952 года он выступил по западногерманскому радио, заявляя о своей «верности» идее воссоединения Германии мирным путем. Он клялся и божился, что стоит за образование «всегерманского правительства». С опубликованных западногерманской печатью фотоснимков, на которых изображен выступающий Кайзер, на вас глядит сладко улыбающаяся физиономия мирного бюргера, заклинающего своих добрых сограждан выступить за единство «фатерланда».

Но вот он выходит из бундестага, поднимает на воровской манер воротник пальто, садится в свой черный лимузин образца «Мерседес-300» и «инкогнито» катит на аэродром. Его маршрут — Западный Берлин, Бундесаллее, 216/218. Теперь перед вами уже не «почтенный министр» — глашатай пресловутого «европейского единства» и теоретик «христианского социализма»... Перед нами попросту атаман бандитской шайки с лицом, перекошенным от ненависти, главный разведчик и диверсант боннского «рейха», злобный враг демократии и единства Германии.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

24 марта прошлого года, вскоре после упомянутой речи «федерального министра» по радио, в западноберлинском филиале министерства Кайзера собрался самый «цвет» кайзеровских шпионско-диверсионных кадров. Непосвященному, пожалуй, могло бы показаться, что он попал на вполне безобидное сборище, где присутствовали сплошь ученые мужи — профессор Крамер, профессор Меймберг, профессор Тальгейм, профессор Рупп, профессор Глейце...

Положение, как говорится, обязывает. Ученым мужам подобает заседать в ученом обществе. И вот шпионское гнездо, в котором нашли убежище заклятые враги демократии и единства германского народа, получило пышное название: «Исследовательский совет по вопросам воссоединения Германии». На заседание этого совета и прибыл 24 марта Якоб Кайзер.

То, о чем по секрету говорил Кайзер на заседании «исследовательского совета», разболтал западногерманский журнал «Дер шпигель». Коротко говоря, Кайзер давал своим агентам инструкции по подготовке фашистского переворота в ГДР, который и был условно назван: «день икс». Из той же корреспонденции журнала «Дер шпигель» мы узнаем, что «исследовательский совет» приготовил даже список членов фашистского марионеточного правительства, которое Кайзер намеревался навязать Восточной Германии после пресловутого «дня икс». «В Бонне, — повествует «Дер шпигель», — существует только один экземпляр этого списка, который по очереди находится то у федерального министра Якоба Кайзера, то у его статс-секретаря Тедика».

Итак, договорившись о проведении фашистского путча в ГДР и имея в кармане список будущих марионеточных правителей, которые милостью Круппа и Пфердменгеса, Манштейна и Гудериана должны были управлять Восточной Германией непосредственно после фашистского переворота, Якоб Кайзер вернулся в Бонн. И снова перед нами «федеральный министр по общегерманским вопросам», который заботится якобы лишь о «мирном воссоединении» Германии...

Якоб Кайзер отнюдь не ограничился тем, что он, так сказать, в общих чертах «запланировал» фашистский мятеж в ГДР. Много месяцев подряд он и его ближайшие помощники готовили в специальных подрывных группах свору погромщиков, чтобы бросить их против ГДР.

Разумеется, и здесь «серое преосвященство» Якоб Кайзер остался самим собой. Непосредственно руководя многочисленными преступными «ферейнами» и «бундами», он ухитрялся до самого последнего момента держаться в тени.

А между тем именно он, Кайзер, управляет сложнейшей сетью шпионских гнезд, подпольных фашистских организаций и диверсионных банд, подготовлявших пресловутый «день икс». Как выяснилось теперь, шефом так называемого «Союза немецкой молодежи», игравшего весьма активную роль в провокации 17 июня, являлся Якоб Кайзер. Статс-секретарь кайзеровского министерства Франц Тедик на днях официально признал, что «министерство по общегерманским вопросам» активно поддерживает деятельность этого союза. Но фашистский «Союз немецкой молодежи»—отнюдь не единственная организация, ведущая по приказам Якоба Кайзера подрывную деятельность против Германской Демократической Республики. В Западном Берлине свило себе гнездо множество других диверсионных групп, связанных с кайзеровским министерством и действующих по его приказам. Тут и пресловутая «группа борьбы против бесчеловечности», руководимая матерыми шпионами Тиллихом и Хилдебрандтом, и так называемая «группа Шаппе», созданная с целью организации диверсионных актов в ГДР, и такие шпионские «союзы», как «Объединение свободных юристов», «Информационное бюро Вест» и т. д. и т. п.

* *
*

Чего же добивается Якоб Кайзер? Какова его «программа»?

Анализируя политические взгляды «федерального министра» на всем протяжении его карьеры, следует сказать, что он всегда оставался верен себе. И это понятно. Кайзер не раз менял посты. Но хозяева оставались у него всегда одни и те же — немецкие монополисты и милитаристы.

Кайзер, как и всякий закоренелый реакционер, прежде всего мечтает расправиться с авангардом демократического движения — с партией коммунистов. И расправиться, что весьма характерно, на чисто фашистский манер. Еще в 1950 году Кайзер заявил, что следует «в будущем позаботиться о том, чтобы коммунисты и сочувствующие им не могли пользоваться демократическими правами...» Подобно гитлеровским головорезам, Кайзер готов в любой момент устроить «ночь длинных ножей», чтобы предательским ударом обезглавить демократическое движение.

В боннском «рейхе» Якоб Кайзер — один из самых ярых раскольников. Как ни парадоксально это звучит, но «министр по общегерманским вопросам», официально занимающийся проблемами «воссоединения Германии», — самый заклятый враг той самой программы, которая провозглашает нерушимость экономического и политического единства страны. Мы имеем в виду потсдамские решения четырех великих держав по германскому вопросу. В мае 1953 года Кайзер, повторяя известный «тезис» Даллеса, прямо заявил, что «...возвращение к Потсдаму было бы абсурдным».

И это не случайно. Потсдамская программа, как известно, предусматривает демократизацию и демилитаризацию Германии, а это как раз то, чего больше всего боятся Кайзер и его хозяева. Якоб Кайзер — против создания миролюбивой и демократической Германии. Он стремится к возрождению милитаристской «великой Германии», которая поглотила бы изрядные куски чужих территорий. Швейцарская газета «Нейе цюрихер цейтунг» привела как-то следующую выдержку из его выступления на съезде австрийской Народной партии в Зальцбурге 2 марта 1951 года: «Я хочу вам напомнить, что единая Германия включает в себя, кроме самой Германии, еще Австрию, часть Швейцарии, Саар и Эльзас-Лотарингию...»

Таким образом, во внешнеполитической области, как и в области внутриполитической, «программа» Якоба Кайзера полностью смыкается с политикой и практикой гитлеровцев.

Как гласит старая поговорка, «хорошая собака бежит впереди своего хозяина». Подобно всякому ренегату, Кайзер одержим необычайным рвением и угодливостью, беззастенчивостью и неразборчивостью в средствах. Вот почему хозяева Кайзера именно ему поручили руководящую роль в организации фашистской вылазки против ГДР. Однако и Кайзер и его хозяева просчитались...

Всю жизнь иезуита и ренегата Кайзера гложет страх. Он, как огня, боится разоблачения. Но он уже разоблачен. Провокация 17 июня, эта башня из грязи, которую «серое преосвященство» Якоб Кайзер воздвиг собственными руками, обрушилась на него самого и его сообщников. И перед всем миром предстал отталкивающий облик боннского министра провокаций, главаря иностранных наймитов — шпионов, диверсантов и громил.

Назым ХИКМЕТ

Пароход идет в Корею

В Турции укомплектована новая воинская часть, которая будет послана для обновления состава турецкой бригады, находящейся в настоящее время в Корее.

За время войны в Корее состав турецкой бригады обновляется четвертый раз.

Турецкие тюрьмы заполнены патриотами и сторонниками мира, выступавшими против посылки турецких войск в Корею. Среди заключенных — рабочие, крестьяне, ремесленники, студенты и студентки, интеллигенция. Заключенные, содержащиеся в воинской тюрьме, подвергаются истязаниям и пыткам. Военный прокурор требует для десяти из них смертной казни через повешение.

Из газет

У людей дети растут
на глазах отца,
на четвереньках к нему ползут,
карабкаются на колени,
таращат на него глаза,
говорят «папа»,
и в доме — волненье.
Мой мальчик растет на фотографиях,
без звука
и без движенья.

У людей за руку сына отец берет,
ведет гулять,
знакомит с жуками,
с деревьями,
с трамваем,
с собаками Рахми-бея.
У людей отец приносит домой хлеб,
приносит сыну бумажного змея.

В груди моей боль,
боль ветки, с которой сорвали плод.
Пред глазами —
дорога к Босфору,
ту дорогу забыть могу ли?
Обоюдоострый нож
в моем сердце живет —
тоска о ребенке, тоска о Стамбуле.
Эх, Назым Хикмет!
Разве разлука такая уж страшная вещь,
чтоб ее не стерпеть?
Так ли тяжко оно, твое горе?
Или счастье чужое завидно тебе?
У людей отец в Стамбуле, в тюрьме,
а сына повесить хотят
среди белого дня на столбе.

Я в Москве,
я давно позабыл решеток запрет.
Я свободен, как утренний ветер,
как народная песня.
Ты, дитя мое, — там,
но ты еще мал, мой Мемед,
ты еще слишком мал,
чтоб тебя повесить.

Пароход отходит от Измира,
он гружен инжиром или лесом?
Пароход отходит от Измира,
он гружен человечьим мясом.
Пароход идет по синю морю,
все быстрее,
быстрее.
Пароход везет тонны горя
в Корею,
в Корею.

Братья!
Чтобы сын у людей
кровь невинную не проливал,
чтоб отец мог домой принести
хлеб и бумажного змея,
чтоб не грузили пароходы в Измире
человеческим мясом,
а грузили инжиром и лесом,
чтобы горе они не возили в Корею,
ваши братья в стране моей
шли на все,
вплоть до петли на шее.

Люди,
добрые люди!
Поднимите свой голос
выше ружейных дул,
громче выстрелов крикните:
«Остановитесь!»
Чтобы петлю на горле
палач не стянул.

Перевела с турецкого М. ПАВЛОВА

Восемь миллионов книг

В КОМИССИИ ПО ОЗНАМЕНОВАНИЮ 125-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

В Советском Союзе в этом году произведения Льва Николаевича Толстого издаются на тридцати языках. Они выходят во всех союзных республиках, их тиражи превышают восемь миллионов экземпляров. Только Гослитиздат выпускает 22 издания произведений великого писателя тиражом 4 миллиона 800 тысяч экземпляров. Почти два миллиона книг даст юным читателям Детгиз— «Детство», «Отрочество», рассказы для маленьких, избранные рассказы и повести для школьников пятых—седьмых классов. Все издания иллюстрированные.

Об этом сообщили представители Главиздата и Детгиза на заседании Комиссии по ознаменованию 125-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, состоявшемся в Союзе советских писателей СССР под председательством Конст. Федина. На заседании выступили также представители ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Академии наук СССР, Министерства культуры СССР, Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Издательства выпускают также сборники, брошюры, монографии, посвященные жизни и творчеству писателя. Так, в издательстве Академии наук СССР выйдет сборник статей (объемом в 20 печатных листов), подготовленный Институтом мировой литературы, а Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний издаст брошюру Н. Гудзия «Великий русский писатель Л. Н. Толстой».

В репертуаре театров страны произведения Л. Толстого занимают большое место. В течение 1952 года был поставлен 1451 толстовский спектакль в 62 театрах. В одном только Художественном театре спектакли «Анна Каренина», «Воскресение», «Плоды просвещения» были показаны 122 раза. В дни юбилея в этих театрах вновь будут показаны толстовские спектакли. Мастера художественного слова готовят специальные программы и отдельные произведения Л. Толстого для эстрадного исполнения.

Во дворцах, домах культуры и рабочих клубах — их в стране более девяти тысяч — состоятся толстовские вечера, будут проводиться доклады, лекции, беседы. В двенадцати тысячах профсоюзных библиотек готовятся читательские конференции, выставки, фотовитрины и другие формы популяризации творчества гениального писателя. Лекции, доклады, беседы, детские утренники будут организованы в вузах и школах, колхозах и парках.

Толстовская дата будет ознаменована двухдневной сессией, которая состоится в Академии наук СССР 9—10 сентября, и заседаниями ученых советов Института мировой литературы имени А. М. Горького и Института русской литературы.

К юбилею перестраиваются экспозиции в толстовских музеях в Москве и на станции Лев Толстой. Делегации Академии наук СССР и Союза советских писателей выедут в Ясную Поляну и на станцию Лев Толстой.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✱ **Декада спектаклей.** В Москве началась декада спектаклей — участников городской и сельской театральной самодеятельности. В репертуар декады включены два оперных спектакля — «Евгений Онегин» в постановке коллектива Дома культуры имени Карла Маркса г. Электросталь и «Запорожец за Дунаем» в исполнении самодеятельности Дворца культуры химиков г. Сталиногорска.

✱ **Новый институт.** В Красноярске открыт сельскохозяйственный институт. Он будет готовить агрономов, зоотехников и сельских механиков.

✱ **Песни сестер Гезалян.** Экспедиция Академии наук Армении записала в Аштаракском районе около ста народных песен и мелодий. Особенно хороши и интересны песни сестер-колхозниц Гезалян из села Воскеваз. Многие их песни о колхозной жизни, труде, отдыхе, любви широко известны в районе.

✱ **Историко-бытовые экспедиции.** Государственный исторический музей разослал несколько историко-бытовых экспедиций, которые будут собирать орудия труда рабочих конца прошлого и начала нынешнего века, документы, предметы быта, запишут рассказы старых рабочих. Районы работы экспедиций — Московская, Горьковская и Рязанская области, а также Средняя Азия.

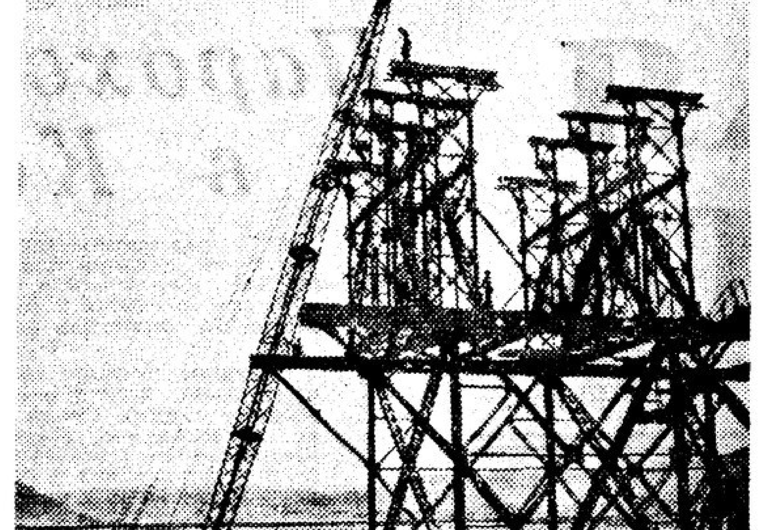
✱ **Капелла «Думка» в Тбилиси.** В Тбилиси приехали украинская академическая хоровая капелла «Думка» и группа украинских композиторов. Они дадут цикл концертов украинской музыки.

✱ **В институте имени И. Е. Репина.** Состоялся очередной выпуск молодых художников, окончивших Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина в Ленинграде. Среди выпускников много молодежи из Киргизии, Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Грузии и Казахстана.

✱ **Музей северной природы.** В заповеднике Карело-Финского филиала Академии наук СССР «Кивач» открылся первый в республике музей северной природы.

РЕПОРТАЖ СО СТРОИТЕЛЬСТВА КУЙБЫШЕВСКОЙ ГЭС

На главных участках

Проезжая по шоссе вдоль левобережной площадки строительства Куйбышевской ГЭС, еще издали обращаешь внимание на стройные ряды металлических мачт и ажурные конструкции портальных кранов. Это арматурный участок строительства, раскинувшийся на полкилометра в ширину и более чем на километр в длину.

И эти мачты, увенчанные ослепительными прожекторами с поблескивающими на солнце ребристыми стеклами, и эти краны с вскинутыми к небу хоботами стрел появились здесь, среди песков Жигулевского левобережья, совсем недавно, когда расположенный тут же автоматический завод выдавал первые замесы бетона для нижнего судоходного шлюза, а бульдозеры только что выравнивали площадку арматурного участка. Арматурные фермы для первых бетонных блоков шлюза приходилось сваривать и собирать в трудных условиях и в значительной степени вручную. Сейчас все изменилось.

Старший прораб М. Тимохин провел меня в цех — длинное помещение, обитое внутри листами огнеупорного серого материала, похожего на асбест. Справа по углублению в полу, прикрытые металлическими пластинками, тянулись змейки электрических кабелей. Слева, отгороженные одна от другой высокими, достигающими почти потолка огнеупорными переборками, стояли сварочные машины.

— Все наше, отечественное! — указывая на машины, говорит М. Тимохин. — Они приспособлены для стыковой сварки стали толщиной до ста миллиметров. Особенно хороши машины последних выпусков. Обратите внимание вот на эти...

Старший прораб остановился около огромной поблескивающей свежей краской машины, к которой тянулось множество кабельных бронированных нитей. Это — отечественная новинка, только в прошлом году выпущена ленинградским заводом «Электрик». Действует она полуавтоматически и в течение нескольких секунд сваривает стыки арматурных стержней.

В глубине цеха мы видели в работе другую машину, сваривающую сталь сечением в тридцать миллиметров. Едва поступал очередной прут и сварщик зажимал его в гнезде, как в воздухе начинал с треском бить фонтан искр. Несколько секунд, и производственный цикл окончен. Сварщик ставил на стык клеймо, и готовый стержень подавался по рольгангу к отверстию в противоположной стене, чтобы попасть на резку и на гибочные станки, способные придать ему любую форму.

По всей площадке виднелись готовые фермы, похожие на остовы каких-то гигантских металлических животных. Их было с полсотни — каждая в 27 метров длины. Отсюда в котлован шлюза ферма доставляется с помощью гусеничных тракторов.

Левобережный арматурный участок продолжает расширяться. Начальник участка А. Галкин, говоря о его перспективах, сообщил:

— В ближайшее время мы сделаем все, что необходимо для облегчения труда и усовершенствования бетонных работ в котловане шлюза. А работы будут очень большие: только в этом году бетонщикам предстоит уложить в котлован нижнего шлюза 300 тысяч кубометров бетона! А там, глядишь, подоспеет верхний судоходный шлюз и водосливная плотина. Сколько же потребуется арматуры! Мы к этому готовы, у нас почти все цимлянцы — люди с опытом...

В нижний шлюз уложено пока 90 тысяч кубометров бетона. Могло же быть уложено значительно больше, если бы не помехи с подготовкой мест для установки ферм. Коллектив района, готовясь достойно встретить третью годовщину строительства, взял обязательство наверстать упущенное и уложить бетона в этом году значительно больше, чем предусмотрено планом.

Широк фронт строительства Куйбышевской ГЭС. На десятки километров по берегам Волги тянутся его участки. Еще недавно западный склон Яблонового оврага, расположенного на правом берегу реки, километрах в трех от котлована электростанции, был покрыт густым лесом. Сейчас лес срублен, почвенный покров снят, аммонит рвет твердую породу, и экскаваторы, забравшись на ступенчатую площадку нового каменного карьера, черпают ковшом эту породу и грузят ее в кузовы самосвалов.

Недалек день, когда известняк и доломит будут доставлять отсюда на камнедробильные и щебеночные автоматические заводы не на самосвалах, а по канатной дороге. Мачты ее уже прошли через всю правобережную площадку строительства, перемахнулись за Волгу, пересекли пойму, устремились к бетонному заводу левого берега. Монтажные работы на канатной дороге вступают в завершающую фазу.

Страна не скупится на материалы, машины и механизмы для большой волжской стройки. Десятки железнодорожных вагонов и платформ с грузом для гидроузла ежедневно прибывают со стороны Куйбышева и Сызрани. Что ни день, то все новые и новые волжские суда с баржами, груженными теми же материалами и машинами, пристают к причалам строительства. И что ни день, то вступают в строй новый экскаватор, новый десяток бульдозеров и автомобилей, поднимаются металлические каркасы новых большегрузных портальных кранов, с помощью которых будет укладываться бетон в здание станции.

После весеннего половодья на главных участках снова все пришло в движение. Уровень реки поднимался в этом году более чем на девять метров, но перемычки выдержали испытание. Теперь коллектив гидроузла с новой энергией берется за дело, помня, что его годовой план — это много миллионов кубометров грунта и свыше миллиона кубометров бетона! Все это нужно вынуть, переместить, уложить надежно, прочно, на века.

Десятки мощных экскаваторов, несколько электрических землесосных снарядов работают на правом и левом берегах Волги. Ниже водосливной плотины они прокладывают новое русло для сброса излишков воды будущего моря, углубляют котлованы под главные гидротехнические сооружения. Только в одном котловане станции — полтора десятка электрических землеройных машин. Некоторые экскаваторы углубились уже более чем на тридцать метров.

В котловане работают экскаваторные бригады, перекрывающие суточное задание. Первая среди них — бригада Н. Бородина, скромного, малоразговорчивого молодого человека. Я помню, как три месяца назад партийное бюро гидростроительного района принимало его в партию. В заявлении о приеме он писал: «Буду выполнять все задания партии». Тогда Бородин был рядовым машинистом, сейчас он бригадир, показывающий отличные организаторские способности. [illegible] — по-стахановски работать! Бородин вынимает своим «уральцем» свыше тысячи кубометров грунта в смену. За последнее время не было дня, чтобы его экипаж не выполнил задания.

— Приотстали мы немного с выемкой в котловане, но наверстаем, народ у нас хороший, — говорит он.

Бородин относит эти слова не к одной своей бригаде — ко всему коллективу.

Н. БОРИСОВ,
корреспондент «Литературной газеты»
КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЙ. (По телефону)

НА СНИМКЕ: мачты канатной дороги достигли левого берега Волги.
Фото С. КРОПИВНИЦКОГО

БЕЗ СИСТЕМЫ, БЕЗ РУКОВОДСТВА...

ЗАМЕТКИ О ШКОЛЬНОМ КИНО

Учебный год кончился. До начала нового учебного года осталось менее двух месяцев. И поэтому мы считаем необходимым сегодня поставить вопрос о школьном кино. Сейчас, в дни каникул, есть еще время для того, чтобы подготовить как следует это важное средство обучения в школе.

***

Однажды, незадолго до начала экзаменов, в учительской 618-й московской школы я присутствовала при разговоре об учебном кино.

— Дело большое, нужное, — говорила учительница истории Клавдия Николаевна Кропотова. — Мы почти не развиваем зрительную память учащихся. Огромный материал преподаем только на слух. Давно все убедились, что кино — прекрасное наглядное пособие, но, к сожалению, до сих пор не можем использовать его широко в своей работе... Вот хотя бы сейчас: у меня урок истории будет в физическом кабинете. И так каждый раз «кочуем» туда, где есть затемнение. Пустяк, кажется, а из-за этого пустяка срываются и без того редкие сеансы.

— А почему сеансы редки?

— Причин много. А главная — не хватает фильмов. В девятом классе я буду проводить сегодня киноурок — второй за весь год...

Но и этот киноурок в девятом классе 618-й московской школы не состоялся: заболел единственный человек, умеющий обращаться с киноаппаратурой.

Болезнь киномеханика и киноуроки, сорвавшиеся в связи с этим в нескольких классах, заставили учителей снова говорить о недостатках кинофикации учебного процесса. Несколько товарищей высказали желание изучить киноаппарат. Но больше всего говорили о принципиальных, волнующих всех учителей вопросах, решить которые одна школа не в силах.

— Нам надо знакомить учащихся с основными процессами производства, — говорила Мария Григорьевна Лосева. — А фильмы, которыми мы располагаем, безнадежно устарели!

— По сельскому хозяйству нет даже и старых картин.

— Мало картин по литературе.

— Большинство фильмов не совпадает с программами.

По тону и по характеру высказываний учителей чувствовалось, что разговор коснулся острого вопроса.

От кого же зависит его решение?

***

618-я школа получает картины из районной фильмотеки, занимающейся прокатом учебных фильмов. Фильмотека Бауманского района Москвы помещается в небольшой комнатке, тесно заставленной шкафами. Как книги на полках библиотек, стоят в этих шкафах коробки с фильмами. Здесь, так же как в десятках других фильмотек, существующих во многих, но, к сожалению, еще далеко не во всех областях и районах нашей страны, собраны учебные картины, созданные за двадцать лет.

«Широкое распространение кино в школе имеет колоссальное значение. Оно позволяет значительно сократить объяснения, расширяет горизонт, помогает усвояемости», — так оценивала Н. К. Крупская роль учебного кино.

Кино позволяет решать сложнейшие учебные проблемы. Оно дает возможность школьнику, не выходя из класса, совершать увлекательные путешествия по стране, спускаться на морское дно, воочию увидеть, как совершается в доменной печи процесс создания чугуна. Интересно может рассказать кино о жизни народов, населяющих нашу великую страну, об открытиях наших ученых в области физики, химии, астрономии, о достижениях передовиков промышленности и сельского хозяйства!

Еще в 1931 году Центральный Комитет партии предложил Наркомпросам республик вместе с киноорганизациями разработать меры по использованию кино для школы, в особенности для политехнизации. За десять лет, прошедших с того времени до начала Великой Отечественной войны, была проделана немалая работа. Накоплен был фонд учебных фильмов и оборудованы многие школы недорогими и несложными по конструкции киноаппаратами. К 1941 году только в РСФСР было создано более 300 учебных фильмов.

Но в этот первый период развития школьного кино не было еще достаточного опыта, не были еще разработаны многие теоретические и методические вопросы. Создание учебных фильмов носило бесплановый характер.

Сразу после войны началось дальнейшее развитие школьного кино. Количество кинофицированных школ в 1952 году возросло сравнительно с 1941 годом более чем вдвое. Казалось бы, что именно теперь настало время собрать и обобщить накопленный опыт и перейти, наконец, от утверждения школьного кино в правах гражданства к глубокой научной разработке теоретических и методических вопросов, массовому выпуску необходимых школе фильмов. Однако создание новых учебных фильмов ведется и теперь бесплановo.

Ныне фонд учебных картин весьма невелик — всего около четырехсот названий, причем большинство фильмов создано еще до войны. Технически изношенные, а подчас и устаревшие по содержанию, такие фильмы не отвечают требованиям школьной программы. Так, например, в выпущенном Министерством просвещения РСФСР каталоге учебных картин значится фильм «По Средней и Нижней Волге». Даже в самом каталоге сказано, что фильм устарел. В фильме показана Волга, какой была она за несколько лет до войны...

Один из учителей биологии рассказывал, что перед занятиями он вместе с киномехаником обязательно просматривает все ленты, отмечает устаревшие кадры. При показе фильмов механик проектирует эти кадры себе на ладонь, спасая таким образом ребят от ненужных, а подчас и неверных сведений, которые, благодаря большой силе эмоционального воздействия кино, надолго запечатлеваются в их памяти.

Неравномерное и бесплановое накопление кинофонда не дает возможности сколько-нибудь систематически использовать кино при изучении таких предметов, как химия, физика, история, литература. К тридцати фильмам по физике, сделанным 15—20 лет назад, за послевоенный период прибавилось всего три картины. Весьма скромный фонд картин по химии в течение многих лет не обновлялся вовсе. Между тем картины именно по этим предметам особенно важны для политехнического обучения.

***

Создание фонда фильмов — это, безусловно, одно из неотложных дел. Но фильмы не оживут, не раскроют ребятам существа неведомых явлений, не покажут чудес, созданных природой и человеком, останутся катушкой скучной пленки, если демонстратор (так зовут в школах киномеханика) не вложит пленку в аппарат, не включит ток, не направит свет на экран.

Кто же готовит кадры школьных киномехаников, кто занимается производством специальной киноаппаратуры, экранов, штор затемнения? Кто занимается разработкой методики применения кинофильмов на уроках, методики, которая призвана вооружить учителей, помочь им правильно, с достижением наибольшего эффекта пользоваться учебным кино?

В педагогических вузах сейчас почти повсеместно создаются кинокабинеты. Тысячи студентов посещают факультативный курс учебного кино. Но кто ведет этот курс, по каким планам, программам, какой пользуются литературой? В Министерстве просвещения РСФСР таких сведений нет. Кинокабинеты в сорока вузах существуют, так сказать, «незаконно», их деятельностью фактически не руководят. Министерство просвещения РСФСР не выпустило по учебному кино ни одного методического указания.

В прошлом году сотрудники кафедр кинематографии, созданных в трех педагогических вузах для разработки методов применения учебного кино, объединенными усилиями составили программу примерного курса. До сих пор эта программа не разослана по институтам лишь потому, что будто бы ее... негде размножить!

Деятельность консультанта, методиста по кинофикации при Управлении школ и двух работников при Главснабпросе сводится, главным образом, к выполнению текущих дел: к заказу фильмов, решению хозяйственных и юридических вопросов.

Восемь лет назад в Академии педагогических наук при отделе наглядных пособий была создана специальная, оборудованная по последнему слову техники лаборатория школьного кино. Здесь собирались разрабатывать методические требования к учебным фильмам, принципы их построения и применения картин в учебной работе. Срок, казалось бы, достаточный для того, чтобы решить многие насущные вопросы. И база для этого есть — в Москве кинофицированы почти все школы. Однако за все это время из недр лаборатории не вышло ни одного научно-методического труда. Вся практическая деятельность сотрудников сводилась, в основном, к заседаниям, просмотрам и обсуждениям фильмов.

Не всегда внимательно относилось к вопросам школьного кино и бывшее Министерство кинематографии СССР. Не считаясь с требованиями школ, оно чаще всего бралось за создание тех фильмов, которые совпадали лишь с его собственными планами, вяло, без всякой заинтересованности работало над проблемами технического оснащения школьного кинематографа.

XIX съезд партии поставил перед школой большую задачу: приступить к осуществлению политехнического обучения. В связи с этим к учебному кино будут предъявляться все более и более серьезные требования. Для того чтобы выполнить эти требования, мало одного признания ценности учебного кино как лучшего наглядного пособия. Необходимо создать условия для его развития. Пора, наконец, Министерству просвещения РСФСР собрать распыленные силы в единый отдел, который будет полноправно и ответственно руководить кинофикацией школы, разрабатывать планы, методику, ведать заказом нужных фильмов, работой фильмотек и вопросами подготовки кадров.

Пора и от Академии педагогических наук потребовать более плодотворной научно-исследовательской работы в области школьного кино, смелее и шире использовать накопленный школами опыт.

Но все это еще не решит проблемы, если Управление кинематографии Министерства культуры СССР не начнет серьезно заботиться о качестве учебных фильмов, привлекая к их созданию квалифицированных режиссеров, не будет более ответственно относиться к заказам Министерства просвещения и создавать именно те фильмы, которые нужны школе.

Необходимо, наконец, создать совершенный, дешевый узкопленочный киноаппарат, наладить его серийный выпуск и обеспечить такой аппарат запасными частями.

До тех пор, пока не будут решены все эти вопросы, учебное кино не может развиваться нормально. А оно должно стать могучим средством, помогающим учителю закреплять и углублять знания школьников.

В. ШАПОШНИКОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

В жизни вы таких видали?

(ПО МОТИВАМ НЕКОТОРЫХ ПЬЕС)

(Вечер. Сад. Гуляют пары.
На скамье под фонарем —
Положительная Варя
С отрицательным Петром).

Петя: Глянь, как звезды светят,
Как плывет в листве луна...
Варя *(с укоризной):* Петя!
Ни к чему тебе она!
Расскажи мне лучше, милый,
Про железные стропила,
Про подъемный кран и план
И про наш прокатный стан.
Как вы с Колей на работе
По три нормы в день даете?
Петя *(в думах о своем):*
Потому что мы вдвоем.
Варя *(гневно сдвинув брови,*
Налетая, как гроза):
Безидейною любовью
У тебя полны глаза!
Мне твои противны речи:
«Небо!», «Звезды!», «Соловьи!»...
Как ты смеешь целый вечер
Думать только о любви?
Всё! Прощай, отсталый парень!
(С возгласом: «К станку пора!»
Положительная Варя
Убегает от Петра.)
Петя *(всем сидящим в зале,*
Указав на Варю): М-да...
В жизни вы таких видали?
Зритель *(в зале):* Никогда!
(Вместе): **Петя, Варя, зритель**
(авторам подобных пьес):
Ерунду не городите!
(Занавес).

Ал. ГОРШКОВ

г. ДАУГАВПИЛС

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«С Т Ы Д Н О!»

Так называлась корреспонденция, опубликованная в «Литературной газете» 16 июня 1953 года. В ней шла речь о мытарствах ростовской учительницы К. Островской, против которой в течение трех лет велась издевательская судебная тяжба. В связи с этим председатель Верховного суда РСФСР тов. С. Битюков сообщил редакции, что судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР отменила решение народного суда 3-го участка Кировского района г. Ростова-на-Дону и определение Ростовского областного суда по делу Островской и в иске о выселении ее из квартиры отказала.

«КТО ПОДДЕРЖИВАЕТ «ТРАДИЦИЮ МАЛЫХ ДЕЛ»?»

Под этим заголовком 23 мая 1953 года в «Литературной газете» было напечатано письмо редколлегии стенгазеты Академии коммунального хозяйства имени Памфилова. Министр коммунального хозяйства РСФСР тов. П. Сурин сообщил: коллегия министерства обсудила письмо и отметила, что оно «правильно оценивает ряд серьезных недочетов, имеющихся как в работе академии, так и в руководстве академией со стороны Министерства коммунального хозяйства РСФСР».

В связи с этим коллегия приняла постановление, которым обязала техническое и главные отраслевые управления министерства обеспечить в срок выполнение плана по внедрению разработанных академией предложений, а начальников главков — в течение десяти дней рассмотреть законченные работы. Заместителю министра тов. Хорикову поручено принять меры по улучшению работы экспериментального завода академии, заместителю министра тов. Клопотову — обеспечить снабжение академии материалами и оборудованием. Техническое управление и Главпроект должны представить на утверждение коллегии плановое задание на проектирование нового здания академии.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПОД ЗВЕЗДАМИ БАЛКАНСКИМИ

Имя украинского писателя **Михаила Чабанивского** пока мало известно русскому читателю. Творчески активно он начал работать после Великой Отечественной войны. На Украине вышли четыре книжки рассказов и очерков писателя: «Свежий пласт», «Сказочный край», «Первые всходы» и «Под звездами балканскими». Они сразу привлекли к себе внимание украинского читателя.

В книжке **М. Чабанивского «Под звездами балканскими»** («Советский писатель». 1952, 166 стр., авторизованный перевод с украинского Татьяны Стах) собраны рассказы и очерки о жизни румын и болгар, освобожденных от фашистского гнета.

В манере письма М. Чабанивского есть нечто такое, что невольно бросается в глаза с первых же строк. Хочется особо подчеркнуть, что писатель предельно экономен: его рассказы и очерки малы по размеру. Однако и на нескольких страницах автор умеет передать главное. Завидное умение!

В маленьком рассказе или очерке, разумеется, нет места для «разбега». Первые же фразы определяют темп рассказа. М. Чабанивский начинает свои вещи энергично, четко, сразу же чувствуешь уверенную писательскую руку. Вот примеры:

«В Мушатешти сорок дворов. В каждой хате своя жизнь. На дверях — железные засовы, на окнах — крепкие ставни с болтами. Как только солнце зайдет и на землю ляжет сумрак, а из степных яруг потянет холодком, в Мушатешти скрипят ставни, закрываются наглухо ворота, звякают в дверях щеколды и засовы» («Катрынка»).

«В селе Турнишор-Сибиу необычайное событие: сегодня начинает работать общественный арман (ток). Крестьяне будут молотить свой хлеб не дома, на гладко выровненном дворе, как это было всю жизнь, а за селом, где уже громыхает мощный трактор, где собрались чуть не все плугари» («Книга мудрости»).

Читая книжку М. Чабанивского, ярко представляешь себе те перемены, которые произошли за последние годы «под звездами балканскими». Люди, некогда забитые, бесправные, стали хозяевами своей земли. Писатель хорошо передает неподдельную радость простых людей, увидевших свет новой жизни. Он нашел, казалось бы, самые обычные, но искренние слова для выражения чувств и мыслей трудового человека. Новую жизнь строят рабочий Николае Петреску («Хозяин республики»), крестьянин Петру Бугарь («Земля»), сельская учительница Катрынка («Катрынка») и другие.

Но не все герои книжки поверили в новую жизнь. Есть и такие, кто пытался замкнуться в своей скорлупе.

В рассказе «Под зелеными платанами» М. Чабанивский рисует образ старого скульптора, который решил прежде времени уйти на покой: нет у него веры в новую жизнь. Кому нужен старый скульптор? И автор сумел показать, кому нужен старый талантливый скульптор: народу нужен! Во взглядах скульптора происходит перемена, вернее, он прозревает, точно слепой, которому вернули зрение. Достоинство этого произведения заключается в том, что М. Чабанивский заставил поверить в крутой поворот в сознании скульптора.

Очерки М. Чабанивского так же значительны, как и его рассказы, люди в них нарисованы выпукло, и читаются эти очерки с интересом.

Нельзя не отметить особенную интонацию, которая хорошо найдена автором. С улыбкой, с любовью к простым людям новой Румынии и новой Болгарии написана книжка.

Хочется сделать писателю упрек: мне кажется, что М. Чабанивский мало разнообразит приемы, которыми пишет свои рассказы и очерки. Эти приемы должны проявляться не только в стилистической манере рассказчика, но также и в построении сюжета. Например, в «Хозяине республики» события развертываются строго хронологически, как говорится, «от и до». Та же хронологичность в построении «Миссии Флори Устуроя». Этим же приемом написан и «Сын моря», в котором рассказывается о судьбе мальчика-сироты. Если автор считает необходимым остановиться на событиях минувших дней, имеющих отношение к судьбе данного героя, то вовсе не обязательно держаться хронологии. Это можно сделать и в форме авторского отступления, и каким-нибудь иным способом.

Думается, что трудолюбие и творческие искания помогут дальнейшему росту таланта писателя.

Георгий ГУЛИА

ЛЮДИ БОЛЬШОГО СЕРДЦА

Недавно вышедшая книга **Елин Пелина «Рассказы и повести»** (Гослитиздат. 1953. 407 стр.) — яркое свидетельство художественной силы классика болгарской литературы. Народный писатель Елин Пелин (литературный псевдоним Димитра Иванова, 1878—1949), выросший в крестьянской семье, хорошо знал и любил деревню. Его излюбленный герой — крестьянин довоенной болгарской деревни.

Реалистическая достоверность описаний сочетается в рассказах Пелина с передовыми освободительными идеями. Плодотворное взаимовлияние: социальная острота рассказов выигрывает от мастерства художественного воплощения и в то же время сила их воздействия возрастает оттого, что они насыщены высокой идейностью.

Пелин — глубоко человечный писатель. Он мастер пейзажа, но никогда природа не заслоняет у него человека. Его героями владеют простые и сильные чувства. В этом смысле характерен рассказ «Бедняцкое счастье». Бедняк Стоян и его жена Пена приезжают в базарный день на постоялый двор. У Стояна и Пены большая радость: десять лет не было у них детей, и вот у Пены родился сын. Когда Стоян, исполненный гордости, захотел показать друзьям сынишку, оказалось, что в бричке возле маленького Иванчо спал еще один младенец, «завернутый в чистые пеленки, с маленьким деревянным крестиком на шее... И чем дольше он (Стоян) на него смотрел, тем больше прояснялось его лицо...» Стоян и Пена берут ребенка к себе. Так раскрывается смысл ласково-иронического названия рассказа: любовь, жалость, сострадание, чистые человеческие чувства — это и есть единственное счастье, доступное беднякам, героям Пелина, людям с большим сердцем. По рельефности изображения, по совершенству композиции (в рассказе всего четыре страницы), по глубине гуманизма — это один из лучших рассказов в книге.

Пелин — писатель-борец. Он отлично владеет оружием сатиры. Его голос часто возвышается до гневного социального протеста против паразитирующих классов. Рассказы его невелики, но каждый — меткая пуля, по-снайперски всаженная в сердце деревенского буржуазного мещанства («Селза Младенова»), продажного городского чиновничества («Андрешко»), развратного сельского духовенства («Искушение», «Весенний дурман»).

Некоторые сатирические рассказы («Несчастье», «Адвокат») характером своего тонкого юмора напоминают рассказы молодого Чехова. Вообще на творчестве Елин Пелина лежат явственные отпечатки влияния великой русской литературы. Некоторые рассказы навеяны Горьким. Пелин и сам писал, вспоминая чувства, владевшие им во время чтения книг Горького: «Его гений дышал какой-то странной первобытной силой, которая меня волновала и удивляла... Он научил меня многим вещам, которые должен знать каждый писатель».

При этом Пелин остается большим самостоятельным художником, чье творческое своеобразие особенно ярко выразилось в жанре небольших рассказов. Иные из его миниатюр занимают не более 4—5 страниц, а то и полстраницы. В «Несжатой полосе» рассказывается о крестьянине, который убил богача, пристававшего к его жене. Трагедия эта развертывается на трех страницах, которые стоят иного романа.

В цикле «Черные розы» писатель создает лирические стихотворения в прозе. Так, в миниатюре «Орлиное перо» — двадцать строк. Для того, чтобы пересказать ее, пришлось бы потратить гораздо больше. Пелин нашел наиболее емкую и изящную форму для передачи своей мысли. А мысль вот какая: нельзя заниматься искусством, не познав жизни. А жизнь в буржуазной стране грустна. Поэтому грустно и искусство.

И все-таки Пелин — не грустный писатель! Несмотря на трагизм сюжетов, мы видим в его рассказах героев со смелыми душевными движениями, могучую красоту природы, реалистическую правду поступков.

В конце книги имеются примечания, поясняющие термины, не переведенные на русский язык. Но почему эта забота о читателе носит столь случайный характер? Почему не объяснены слова: царвули (44 стр.), чорбаджия (80 стр.), стрина (364 стр.), хоро (84 стр.)?

Лев СЛАВИН

ТОЛЬКО ЗАЯВКА

Мало выходит у нас книг о жизни Советской Армии после войны. Поэтому роман молодого украинского писателя **В. Петльованного «Трубы играют зорю»** (Воениздат. Москва. 1953. 219 стр.) начинаешь читать с большим интересом. Как автор показал жизнь наших замечательных воинов, боевую учебу, будни Советской Армии?

В. Петльованный свободно владеет материалом, легшим в основу произведения. В этом легко убедиться по лучшим главам книги, в которых рассказывается о тактических занятиях в горах.

Взвод Сергея Габая в снежный буран совершает трудный переход в горах. Солдаты демонстрируют свое возросшее воинское мастерство, физическую закалку, взаимовыручку. В ученье, как в бою!

Правдиво и волнующе показана тесная связь армии с населением. Это относится к страницам, посвященным наводнению и той помощи, которую оказывают воины колхозникам закарпатского села и жителям венгерского селения по ту сторону границы. Есть в романе и живые образы, такие, как образ полкового комсомольского вожака Курача. Обросший «жирком», незаметно для самого себя превратившийся в чинушу, Курач изображен сочно.

Но отдельные удачи не спасают роман. Прежде всего шаблонна завязка. Выпускник пехотного училища лейтенант Сергей Габай получил назначение в одну из частей. Он случайно знакомится с девушкой — Варей Макаровой. Она оказалась сестрой командира того самого полка, в котором будет служить Габай. Не требуется мучительных усилий, чтобы догадаться: молодые люди непременно полюбят друг друга; Габай — молодой, еще не опытный офицер, приняв взвод, будет сомневаться, справится ли он со своими обязанностями и, конечно, справится; на последних страницах романа Габай предстанет перед читателем опытным, волевым командиром, завоевавшим уважение своих товарищей и подчиненных.

Против всего этого нельзя было бы возразить, если б В. Петльованный на жизненных, убедительных примерах показал сложный и трудный процесс роста молодого офицера, его личную жизнь. К сожалению, Габай и другие персонажи романа — полковник Макаров, замполит Мавродий, лучший стрелок полка Архип Рязанов — изображены автором примитивно. Они не разговаривают, а как бы соревнуются в изложении прописных уставных истин. Их внешняя характеристика бедна. Так, о Габае мы узнаем, что «припухлая верхняя губа, чуть прикрывающая нижнюю, и полные щеки делают его похожим на десятиклассника». Связного Семенова друзья называют «колобком»; старшина Морозов — «полногубый, с золотистым пушком на щеках»; ефрейтор Скакун — «круглолицый, краснощекий»; у комсорга Курача лицо «юношески пухлое».

Автору полюбилось слово «торжественно». «Майор возвратил Габаю документы, а открепительный талон спрятал в сейф. Делал он все это неторопливо, с какой-то торжественностью»; «Для советских солдат нет и не может быть объективных условий, которые оправдывали бы невыполнение приказа, — твердо и торжественно сказал старшина Морозов»; «Голос рассказчика звучал торжественно»; «Рота шагает торжественно»; «Торжественная мелодия долго царит над всеми звуками»...

Вот эта торжественность и мешает подчас В. Петльованному правдиво, без прикрас, показать армейские будни.

Много говорится в романе о различного рода собраниях и заседаниях. Уместен живой показ комсомольского собрания, посвященного разбору дела Архипа Рязанова, нарушившего воинскую дисциплину. Этим можно бы и ограничиться. Но 13-я главка начинается словами: «За несколько часов до начала заседания комсомольского бюро Курача пригласил к себе Мавродий». В 14-й мы узнаем о совещании командиров взводов, 24-я посвящена комсомольскому собранию чернечан, 25-я опять начинается со слов: «Совещание у полковника продолжалось час», в 32-й — «комсомольское собрание закончилось почти час назад», а в 33-й — Курач ставит в известность Габая, что «в девять часов офицерское совещание у командира полка».

Роман начался со встречи Сергея Габая с Варей. Следовало ожидать, что Варя не исчезнет бесследно с первых же страниц. Но именно так и случилось. В дальнейшем мы узнаем о ней только из переписки с влюбленным в девушку Сергеем. Случайно появление в романе Вари Макаровой, и — увы! — закономерно ее исчезновение: автор не смог найти надлежащее место для своей героини. Точно так же не несут сюжетной нагрузки образы медсестры Лидии Артемьевны и капитана Медынского. Они вселены в роман, так сказать, без «постоянной прописки».

Роман «Трубы играют зорю» — лишь заявка на важную тему, а не полноценное художественное произведение о жизни, учебе, воинском воспитании солдат и офицеров Советской Армии. Но у Петльованного есть все возможности не ограничиваться одной заявкой. Свидетельство тому, повторяем, — лучшие главы романа.

Леонид ЕЛИСЕЕВ

РАССКАЗЫ, ЛИШЕННЫЕ СЮЖЕТА

Большинство рассказов сборника **Петра Чебалина «Весна идет»** (Сталино. 1952. 198 стр.) посвящено Донбассу. Автор знает и любит этот край, он наблюдателен. Послушайте, например, как хорошо он рассказывает о предвечернем часе в поселке, утопающем в густой зелени садов:

«Длинные тени от домов и деревьев ложились через дорогу, медленно, незаметно для глаза, ползли по стенам и крышам, прохладными волнами вторгались в огороды, сбивая с толку цветущие подсолнухи; растерянные, они, казалось, не знали, куда им смотреть и где теперь солнце» («Большой дорогой»).

Вот как он описывает лихую пляску молодежи:

«...Девушка вдруг тряхнула косами, согнала с лица улыбку и решительно сделала шаг вперед. Коля выпрямился и поплыл назад, вытянув вперед руки, как бы маня и увлекая ее за собой. Затем он пропустил девушку вперед и шел за нею то вприсядку, то, выпрямившись, плыл на носках, будто хотел догнать ее и не мог. Когда, казалось, вот-вот он настигнет ее, девушка делала неожиданный, с разлетом юбки по-

М. САБИНИНА

ОПЕРА „ДЕКАБРИСТЫ“ И ЕЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

История создания оперы Ю. Шапорина «Декабристы» — история многолетнего труда. Композитор писал ее около тридцати лет. В процессе долгих и трудных исканий рождался замысел произведения, расширялся его идейный масштаб: от скромных лирических сцен, посвященных трогательным перипетиям романа декабриста Анненкова и бедной француженки Полины Гебль, до монументальной исторической оперы о восстании русских дворянских революционеров. При участии поэта Вс. Рождественского был создан окончательный текст либретто; наряду с заново написанными Вс. Рождественским страницами сюда вошли эпизоды из первого варианта либретто, написанного А. Н. Толстым, фрагменты из стихотворений Пушкина и поэтов-декабристов.

Последние три года Ю. Шапорин работал над «Декабристами» совместно с Большим театром. Любовно и требовательно, с настоящей творческой заинтересованностью отнесся к своей задаче коллектив театра. И сам театр, и общественность столицы были деятельными участниками «рождения» оперы; в процессе работы спектакль неоднократно обсуждался. Автор шаг за шагом улучшал драматургию сочинения, добивался большей глубины в раскрытии исторических событий. Так, например, в окончательную редакцию оперы был введен образ одного из вождей декабристского движения, главы Южного общества — Пестеля.

Разумеется, произведение Ю. Шапорина не охватывает **всей** эпопеи декабризма. Социально-исторические обстоятельства, вызвавшие к жизни движение декабристов, и внутренние идейные противоречия в их рядах, по существу, лишь намечены в произведении. Но эта неполнота была неизбежна. Опера, как и всякий другой художественный жанр, имеет свои специфические возможности. Показать на оперной сцене большие общественно-исторические события во всей их глубине и многообразии — дело огромной трудности. Надо было отобрать самое существенное — те характеры и ситуации, в которых наиболее отчетливо проявляются **типические** для данной эпохи, для передовых ее представителей черты. Это главное Ю. Шапорину удалось.

Пафос подвига декабристов, горение вольнолюбивой мысли этих воинов-сподвижников, — как называл декабристов Герцен, — вышедших сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение, — вот что находит убедительное воплощение в лучших страницах оперы. Самый яркий музыкальный образ, обобщающий в себе характеристику декабристов как «фаланги героев», — песня-гимн на знаменитые строки из пушкинского послания «К Чаадаеву»:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Жизнеутверждающая мелодия этого гимна проникнута страстным призывом к свободе, огромной внутренней энергией и волевой устремленностью.

Музыкальному стилю Шапорина присуща романтическая приподнятость. В то же время язык композитора сохраняет свою народную окраску, национальный дух. Гимн декабристов, монолог Рылеева, песни и арии Пестеля, Бестужева, Каховского — все это тесно связано с интонациями русских революционных песен и гражданской лирики XIX века. Поэтому музыкальный портрет декабристов приобретает жизненную яркость, правдивый исторический колорит.

Индивидуальное в обрисовке героев — Пестеля, Рылеева, Бестужева и других — выражено в опере менее отчетливо, нежели **общее.** Ю. Шапорину недостает характерности в лепке отдельных образов, композитор не нашел для каждого из них своеобразных, выразительных средств. Не помогло ему в этом смысле и либретто Вс. Рождественского: язык, которым говорят персонажи, верно воспроизводит дух эпохи, но содержит мало красок для того, чтобы передать неповторимые оттенки личности каждого героя.

Основные роли декабристов поручены лучшим певцам Большого театра. А. Пирогов — Пестель, А. Иванов — Рылеев, И. Петров — Бестужев, Г. Нэлепп — Каховский — все они и в вокальном и сценическом отношении прекрасно проводят свои партии. С большим воодушевлением и силой передает Алексей Иванов в четвертой картине оперы монолог Рылеева «О Русь моя, мой край родной». Глубоким чувством проникнуты задушевная песня Бестужева «Ой, вы, версты» (вторая картина оперы «На почтовом тракте»), героические арии Пестеля. Хорошо звучит песня с хором Каховского «К мечам, к мечам!»

Развитие героико-революционной темы переплетается в опере с лирической темой любви декабриста Щепина-Ростовского и его невесты Елены. Образ Елены (театр нашел удачную исполнительницу этой роли в лице молодой одаренной певицы Н. Покровской) проникнут красотой и благородством. Чистота чувств, верность в любви, мужество скромной русской женщины подкупают и волнуют слушателя. В этом образе угадываются прекрасные черты русских женщин, воспетых Некрасовым. Прочными нитями связан образ Елены и с галереей женских образов, созданных русской оперной классикой. Много слабее, по вине исполнителя — артиста Г. Большакова, оказался образ князя Щепина-Ростовского. Глуховатый в среднем регистре голос Г. Большакова на высоких нотах звучит напряженно, теряет чистоту интонаций. Артисту недостает той искренности и сердечной теплоты, которых требует эта роль.

Лирические эпизоды оперы (основные из них — три дуэта Щепина-Ростовского и Елены) написаны композитором с большой поэтической одухотворенностью. Гибкая и напевно-выразительная их мелодика близка лучшим романсам Ю. Шапорина — признанного мастера этого жанра. Но в опере лирико-романсовая любовная тема зазвучала по-новому: шире, с большей силой музыкального обобщения.

Если музыкальные характеристики декабристов восходят к русской революционной песне, к традициям русской лирической оперы и романса, то народные хоровые сцены имеют своим источником русскую крестьянскую песню.

Хороша песня крепостных девушек «Ах, талан ли, мой талан» в первой картине; она приобретает в опере значение лейтмотива, напоминающего о бесправии народа, о скорби народной. Сочны и ярки хоры в сцене ярмарки (3-я картина): кипит удалое народное гулянье, возникают и звучат, переплетаясь, несколько народных песен. Этой труднейшей в музыкальном отношении сценой хор Большого театра еще не вполне овладел. Работа хормейстера М. Шорина над большинством ансамблей и хоров оперы заслуживает высокой оценки, однако в сцене ярмарки еще не достигнута полная слаженность и законченность, не всегда ясна дикция хора.

В печати уже отмечалось, что в опере дается излишне облагороженная трактовка сил зла, олицетворяющих самодержавно-крепостнический строй. Это замечание справедливо. Однако неверно было бы требовать от композитора гротескового изображения отрицательных персонажей. Классическая традиция русской исторической оперы отнюдь не подтверждает необходимости обращения к **гротеску** для изобличения врага; совсем не в плане шаржа решены у Глинки образы врагов в «Иване Сусанине» или у Мусоргского — в «Борисе Годунове». К тому же нельзя требовать от художника тех качеств, которые не свойственны индивидуальному складу его дарования. В творчестве Ю. Шапорина всегда преобладала лирико-элегическая струя; в лучших эпизодах «Декабристов» композитор достигает большой драматической силы. Вряд ли принесла бы автору успех попытка вторгнуться в чуждую ему область музыкального гротеска. Но он мог бы добиться большей остроты в музыкальной и сценической характеристике царя. Артист А. Огнивцев хорошо поет партию Николая I и обладает отличными внешними данными, однако Николай в опере неправомерно облагорожен (в монологической сцене — картина пятая «В Зимнем дворце»), а в сцене на балу скорее напоминает светского жуира, чем коронованного деспота.

Недостаточно выразителен в опере образ князя Трубецкого, покинувшего своих товарищей-декабристов в час восстания. Его облик, лишь бегло очерченный, остался эскизным и в сценическом истолковании П. Селиванова.

Драматургия оперы имеет уязвимые стороны. Ее монументальность приводит иногда к некоторой статичности. Замедленность развития ощущается даже в самой лучшей, наиболее драматически насыщенной и компактной четвертой картине «У Рылеева» — музыкальной кульминации всего произведения. Шестая картина, «Сенатская площадь», где происходит развязка исторической трагедии, уступает четвертой по цельности и драматизму музыки. Отдельные моменты картины захватывают до глубины души, — например, приход восставшего полка с мужественной солдатской песней «За Дунаем», песня раненого старика-солдата «Ой, братцы, видно смерть пришла»... Но все же картине недостает широкого симфонического развития, острой конфликтности, трагедийной мощи.

Самое слабое звено музыкальной драматургии «Декабристов» — финал оперы. Здесь, по сути дела, уже ничего не происходит; ссыльные декабристы появляются в кандалах на сцену только для того, чтобы еще раз пропеть свой гимн. Правда, гимн превосходен, но после многих повторений (и, к сожалению, повторений **однотипных,** без внутреннего развития и обогащения) он звучит не так ярко и динамично, как в сцене «У Рылеева».

Контрастное чередование картин, за исключением неудачной последовательности двух «тюремных» сцен (8-я картина — «Каземат», 9-я — «Петропавловская крепость»), построено со строгой внутренней логикой. И, что очень ценно, каждая картина проникнута своим настроением, имеет свою атмосферу. Заслуга в этом принадлежит и художникам А. Петрицкому, Т. Старженецкой и режиссеру Н. Охлопкову. С тактом и тонким ощущением эпохи выполнены декорации и костюмы.

Н. Охлопкову спектакль обязан полными жизни и движения массовыми сценами, продуманностью мизансцен, выразительностью актерского поведения большинства участников спектакля, вплоть до исполнителей эпизодических ролей. Привлечение драматического режиссера к постановке оперы оказалось весьма плодотворным.

Следует отметить проникновенное прочтение партитуры оперы дирижером А. Мелик-Пашаевым. Под его управлением оркестр звучит отлично.

Коллектив Большого театра, на сцене которого уже давно не появлялись советские оперы, вложил много сил, энтузиазма и творческой энергии в работу над «Декабристами». В итоге этой работы советский зритель с большой радостью услышал на сцене театра идейно значительное, реалистическое произведение выдающегося советского композитора.

«Сенатская площадь» — сцена из второго действия оперы «Декабристы». Фото Н. САХОВСКОГО

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О книжных форматах

Наши издательства выпускают книги различных форматов: сборники стихов и справочники, которые легко могут поместиться в кармане, альбомы и книги больших размеров с красочными и графическими иллюстрациями. Часто формат издания определяется художественными иллюстрациями, которые надо воспроизвести без значительного уменьшения. Для того чтобы сохранить высокое качество иллюстраций, такие книги, безусловно, должны иметь укрупненный формат, что и предусмотрено государственным стандартом.

Необходимость использования издательствами разнообразных форматов для различных по тематике и назначению книг, казалось бы, очевидна. Однако Главиздат занял в этом вопросе необъяснимую позицию, предложив выпускать все книги, выходящие в Гослитиздате (безразлично от содержания и характера издания) в одном формате.

Разве можно застраивать города домами только одной высоты? Характер построек определяет их архитектурную форму. Аналогичными соображениями нужно руководствоваться и при издании книг.

Издательства должны давать советскому народу много книг, хорошо, красиво оформленных, самых разных форматов.

Президент Академии художеств
А. ГЕРАСИМОВ
Народные художники РСФСР
КУКРЫНИКСЫ
(М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ)
Лауреат Сталинской премии художник
В. СЕРОВ
Главный художник Гослитиздата
Н. ИЛЬИН
Главный художник Ленгосиздата
А. ГАЙДЕНКОВ

Неиспользованное средство

Нередко бывает, что, прочитав большой роман о жизни наших современников, не встретишь в нем ни слова об отношении героев к той или иной поминаемой в романе книге, о мыслях, возникших у них по прочтении ее.

А ведь это же богатейшее средство для глубокого раскрытия психологии героев!

Во многих последних романах это средство или не использовано совсем, или употреблено робко и неуверенно. Так, например, Гр. Свирский в романе «Здравствуй, университет!», посвященном студентам, т. е. людям, несомненно, много и пытливо читающим, пишет:

«Новую удачную книгу Катя (Жигарева.— **Н. Л.**) воспринимала, как большую личную радость. Для нее была очень важна, как она называла это, тональность (?) книги: в ней, по ее мнению, звучал нравственный мир писателя, поэта».

Что Свирский подразумевает под словами «удачная книга»? Неизвестно. Ничего не сказано, о каких книгах идет речь и о том особом, катином, отношении к ним.

Герои романа Вс. Кочетова «Журбины» читают много, но что и как — читатель не знает.

На протяжении первой половины романа одна из героинь — Лидия Журбина — не расстается с книгой. Но что она читает и как воспринимает прочитанное? Если бы об этом говорилось, может быть, гораздо понятнее было бы ее внезапное превращение из тихой, задумчивой и не удовлетворенной жизнью домоседки в боевого геолога.

И очень жаль, что в этом, как и во многих других случаях, из поля зрения автора выпало одно из эффективных средств раскрытия психологии героев.

Н. ЛОБЗИН
г. ЛИЕПАЯ, Латвийская ССР

В СПАССКО-ЛУТОВИНОВЕ

ОРЕЛ. (**Наш корр.**). Орловский государственный музей И. С. Тургенева подготовил новую экспозицию в заповеднике Спасско-Лутовиново. Экспозиция размещена во флигеле, где жил и работал великий русский писатель во время ссылки 1852—1853 годов.

Посетители — трудящиеся Орловщины, Тульской, Курской и других областей—с интересом рассматривают документы, рассказывающие о жизни и творчестве И. С. Тургенева, новые иллюстрации к его произведениям, фотоснимки рукописей, книги из библиотеки писателя.

ворот, и Коля снова отставал, лихо выбивая каблуками, словно сердился на нее» («Шумел камыш...»).

Однако слабым местом П. Чебалина как рассказчика является сюжет. Точнее сказать, во многих его рассказах сюжета нет и в помине. Прочтешь рассказ и подумаешь: о чем это? Что хотел автор сказать? Какое событие он поставил в центр своего произведения?

Вот, скажем, в рассказе «Сюжет художника» несколько героев: профессор горного института Селезнев, знатный забойщик Загреба, художник Добрин и милая девушка Даша; все они встречаются, разговаривают, улыбаются, пытаются волноваться, но непонятно, что к чему, зачем все это, куда ведет автор. И вдруг в конце вырисовывается тема — художник изобразил забойщика, читающего лекцию, и картина надоумила профессора организовать в самом деле лекцию забойщика. В рассказе восемнадцать страниц, а история с картиной и с лекцией возникает только на двенадцатой странице. Спрашивается: к чему же все остальное? Ведь не для того же, чтоб утомить читателя?

И сам автор заблудился в своем многословии. На четвертой странице он говорит о том, что профессор, который пишет книгу о забойщике Загребе, «...написал несколько первых страниц и, довольный ими, прочитал написанное Загребе». А на одиннадцатой странице выясняется, что «прошло больше месяца с того дня, как профессор приехал на шахту, и за это время он еще не написал ни одной страницы своей книги».

Герои П. Чебалина слишком много и скучно разговаривают. Не скуп на слова и сам автор. И в этом многословии тонут события. В рассказе «Весна идет» почти две страницы отведены нудной дискуссии между конюхом и кучером на тему: с пристяжкой ли ехать или без оной? А рассказ о том, как кучер из одного колхоза поехал в другой колхоз, чтобы привезти тамошнего бригадира Галину Бойко для обмена опытом! Вот, можно сказать, и весь сюжет. Или рассказ «Хлеб», в котором после долгой разлуки отец-колхозник встречается с сыном-шахтером. Отец, как только увидел любимого сына, начал ему рассказывать о посевной, а сын докладывал отцу о цикличности. Все действие в рассказе свелось к размышлениям и разговорам, с помощью которых автор безнадежно пытается раскрыть характеры героев.

П. Чебалину следует более тщательно работать над поиском сюжета для рассказа, над его композицией. Рассказчик должен уметь повествовать о каком-нибудь случае из жизни, о значительном событии так увлекательно, интересно, чтобы читатель с первых же строк заинтересовался: а что будет дальше?

Г. РЫКЛИН

МИЦКЕВИЧ И УКРАИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адам Мицкевич, пламенный поэт-гражданин, был другом декабристов, другом Пушкина, который посвятил польскому поэту стихотворение, озаренное мечтой о великом братстве:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Изучение творческих и культурных связей между братскими народами стало одной из почетных задач советского литературоведения.

Не так давно в Киеве на украинском языке издана книга **Г. Д. Вервеса «Адам Мицкевич в украинской литературе».** (Гослитиздат Украины. 1952. 128 стр.). Заглавие книги несколько уже ее содержания. Речь идет не только о значении Мицкевича для украинской литературы, но и о многообразном общении украинских классиков и советских писателей с польской демократической культурой.

Шевченко, гневно разоблачавший злодеяния польской шляхты, стремившейся закабалить украинский народ, с любовью и нежностью относился к братскому польскому народу, к его лучшим сынам. В ссылке он сблизился с польскими революционерами. В стихотворении, обращенном к одному из них — Брониславу Залесскому, поэт говорит о вредной роли католического духовенства, выступающего против дружбы двух славянских народов. Судя по воспоминаниям современников, Шевченко не раз брался за переводы стихов Мицкевича на украинский язык; к сожалению, эти переводы до нас не дошли.

Подобно тому, как Мицкевич был основателем новой польской литературы, Шевченко явился основоположником новой украинской литературы. Эту мысль с предельной четкостью выразил Н. Г. Чернышевский: «Когда у поляков явился Мицкевич, они перестали нуждаться в снисходительных отзывах каких-нибудь французских или немецких критиков: не признавать польскую литературу—значило бы тогда только обнаруживать собственную дикость. Имея теперь такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности».

Г. Д. Вервес прослеживает этапы борьбы вокруг имени и творчества Мицкевича в России и на Украине. Представители демократического направления в литературе старались ознакомить читателей с политической лирикой польского поэта, тогда как реакционные литераторы затушевывали прогрессивные стороны его творчества. Дело доходило и до прямой фальсификации; так, например, украинский националист П. Кулиш, переводя стихи Мицкевича, переделывал их на буржуазно-националистический лад.

Писатели-демократы Леся Украинка, П. Грабовский, М. Старицкий пропагандировали поэзию Мицкевича, переводя его лучшие стихи на родной язык.

Особое место в изучении творчества Мицкевича принадлежит Ивану Франко, который впервые в дооктябрьской литературе осветил вопрос о значении Адама Мицкевича для творчества украинских поэтов. Польские буржуазные националисты, стремясь дискредитировать Франко, не раз писали, что он якобы выступает против поляков. Г. Д. Вервес, разоблачая эти клеветнические утверждения, показывает, что выступление Франко было направлено не против Мицкевича, а против тех польских изменников народному делу, которые сотрудничали с австрийским правительством.

Заключительная глава книги Г. Д. Вервеса рассказывает о творческих связях советских украинских писателей с литературой народно-демократической Польши.

Можно пожалеть, что автор книги только в самых общих чертах дает характеристику новых украинских переводов произведений великого польского поэта.

Ал. ДЕЙЧ

ИСКАТЕЛИ ДРЕВНИХ КЛАДОВ

Государственное издательство географической литературы выпустило в свет вторым изданием книгу академика **В. А. Обручева «В дебрях Центральной Азии»** (М. 1953. 319 стр.).

Широкому читателю, а особенно нашей молодежи, имя В. А. Обручева, автора увлекательных научно-фантастических романов «Земля Санникова» и «Плутония», известно давно. С интересом будет встречена и эта повесть талантливого ученого.

Умело сочетая научные знания с занимательной приключенческой фабулой, В. А. Обручев рассказывает о путешествиях по дебрям Центральной Азии. Вместе с искателями кладов Кукушкиным и его помощником монголом Лобсыном читатель побывает и в Чугучаке, и в Урумчи, и в горах Тарбагатая, и в знойной Турфанской впадине, и в мертвом городе Хара-хото, узнает новые интересные факты о жизни и истории этих мало изученных местностей Азии.

Но не только в этом ценность книги В. А. Обручева. Автор, как бы продолжая линию, намеченную еще в «Земле Санникова», рисует честность, мужество и настоящую дружбу простых людей разных национальностей.

Искренняя забота русского человека Кукушкина о судьбе нищего монгольского мальчика Очира, помощь сбежавшему из буддийского храма от голода и издевательств лам Лобсыну, сочувствие бедным, обираемым духовенством крестьянам показаны в повести с большим тактом.

Главный герой книги бродит в поисках кладов по забытым и опасным местам Центральной Азии не для того, чтобы разбогатеть. Фомою Кукушкиным, сыном умершего в ссылке декабриста, руководит высокое патриотическое чувство — «древности раскапывать в развалинах древних городов и отправлять их в Академию на пользу отечественной науки». На благо людям ищет он и «ископаемые клады»—асфальт, уголь, руду железную и медную... Все эти черты в характере центрального персонажа делают его образ еще более симпатичным и привлекательным.

Написанная простым и выразительным языком, повесть эта — хороший подарок нашему юношеству. Читать ее легко, интересно и полезно.

Хаджи-Мурат МУГУЕВ

МОРЯ НАШЕЙ РОДИНЫ

Десятки тысяч советских людей с разных концов страны приезжают каждый год на берега Черного моря, заслуженно пользующиеся славой лучшей здравницы Советского Союза. Купаясь в солнечные дни в теплой прозрачной воде, любуясь черноморскими пейзажами, наверное, мало кто из отдыхающих вспоминает об удивительных особенностях этого моря, о том, например, что вся богатая и разнообразная подводная жизнь его сосредоточена в поверхностном слое воды, мощностью не более 200 метров, а ниже — на полтора-два километра — расположена своеобразная морская «пустыня», зона, зараженная сероводородом.

По соседству с Черным морем расположено Азовское. Но, вероятно, немногие знают, что в Азовском море, которое по площади в десять раз меньше Черного и мельче его более чем в 170 раз, рыбы вылавливается почти в четыре раза больше. По своим рыбным богатствам Азовское море занимает одно из первых мест в мире, а секрет такой огромной продуктивности как раз и заключается в небольших глубинах. Азовское море — это своеобразная кормушка для черноморских рыб, которые огромными косяками устремляются в него каждую весну через Керченский пролив.

Мы упомянули лишь о двух морях, а в Советском Союзе таких морей двенадцать и, кроме того, на юге страны расположено еще два гигантских моря-озера — Каспийское и Аральское.

Физико-географической характеристике морей Советского Союза и истории их исследования посвящена книга доктора географических наук **Д. Карелина «Моря нашей Родины»** (Детгиз. М.—Л. 1952. 316 стр.).

Каждый год появляются все новые и новые работы по отдельным морям, по тем или иным вопросам, связанным с природой этих морей. Но у нас почти нет книг, которые в общедоступной форме рассказали бы читателям о всех морях нашей страны сразу, об их природе в целом, об истории их исследования, об их роли в истории СССР, о их народнохозяйственном значении. Вот почему выход книги Д. Карелина, охватывающей все эти вопросы, нельзя не приветствовать.

Перед автором стояла сложная задача обобщить и изложить в простой и ясной форме огромный фактический материал, накопленный разными науками за десятилетия. Д. Карелин в основном справился с этими трудностями и при сравнительно небольшом объеме книги дал множество разнообразных, но продуманно отобранных сведений. Это особенно ценная черта книги. При большом разнообразии материала легко было сбиться на показ ярких, но второстепенных деталей в ущерб главному.

У многих книг, посвященных описанию природы, есть один общий недостаток — человек с его практическими запросами выглядит в них посторонним. Д. Карелин удачно избежал этого: человек с его пытливой мыслью, общественными интересами, практической деятельностью ощущается на каждой странице. Народнохозяйственная оценка морей не повисает у автора в воздухе, а логично вытекает из физико-географических характеристик, касается ли дело рыбных промыслов или условий плавания, курортов или преобразования фауны морей.

Вполне оправдано и то большое внимание, которое уделяет Д. Карелин истории. Лаконично, но содержательно написанные очерки дают убедительное представление о мужестве и настойчивости русских мореходов — первых исследователей морей Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Книга Д. Карелина не лишена недостатков. Не все ее разделы написаны с одинаковой полнотой, не всегда выдерживается принятая самим же автором схема описания, имеются фактические ошибки. Но подобного рода недочеты легко устранимы. Важнее обратить внимание на более серьезное упущение. Д. Карелин смело и интересно начинает книгу. Он с первых же страниц вводит читателя в широкий круг проблем, до сего времени еще не решенных наукой. Но в дальнейшем он не выдерживает этого принципа и слишком мало рассказывает о нерешенных вопросах океанологии. А рассказать о неразгаданных тайнах морей—это значило бы ознакомить читателя с тем, над чем сегодня трудятся ученые. Это, несомненно, повысило бы познавательное значение книги.

В заключительной главе автор пишет, что цель его книги — помочь читателям сделать первый шаг к ознакомлению с морскими пространствами нашей Родины. Эта цель достигнута. Несомненно, что, по примеру Д. Карелина, наши физико-географы, океанологи, климатологи, ботаники, ученые других специальностей создадут для юношества новые увлекательные книги.

И. ЗАБЕЛИН,
кандидат географических наук

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В КИРГИЗИИ

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Переводу художественной литературы на киргизский язык было посвящено двухдневное совещание писателей и переводчиков. С 1946 года Киргизским государственным издательством выпущено в переводе на киргизский язык свыше 40 книг, среди них: два тома «Войны и мира» Л. Толстого, «Мои университеты» и «Мать» Горького, стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского и другие произведения классиков и советских писателей.

Отметив значительную работу, проделанную переводчиками и писателями, участники совещания подвергли острой критике правление ССП Киргизии и Киргизгосиздат. Нередко в план изданий включались переводы книг, сделанные случайно, по выбору переводчиков, а не потому, что именно эти книги следовало издавать в первую очередь. Некоторые переводчики творческую работу над текстом подменяют дословным переложением подлинника, а это зачастую приводит к грубым смысловым и стилистическим искажениям. Многие ошибки в переводах являются результатом плохого знания переводчиками русского языка.

БЕЗ ОТДЕЛА КРИТИКИ...

Новый состав редколлегии журнала «Советтик Кыргызстан» выпустил очередной (пятый) номер журнала «Советтик Кыргызстан». Как известно, пленум ССП Киргизии вскрыл нездоровые явления в киргизской литературной критике. Однако журнал, кроме замечаний, сделанных вскользь в передовой статье, совершенно не касается этого вопроса. Если прежний состав редколлегии вел отдел критики и библиографии неудовлетворительно, допуская порой грубые ошибки, то в пятой книге такого отдела вообще нет.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОНКУРСЫ

По решению правления ССП Киргизии в этом году проводятся литературные конкурсы на лучший художественный перевод и на лучший роман, повесть, поэму, посвященные жизни и быту киргизского народа. Созданы жюри, установлены премии. В конкурсах могут принять участие все желающие.

В АКТОВОМ ЗАЛЕ УНИВЕРСИТЕТА

Около трехсот студентов Киргизского государственного университета пришло на обсуждение повести писателя К. Баялинова «На берегах Иссык-Куля». Повесть единодушно признана значительным явлением в киргизской литературе. Выступающие отметили, однако, и ряд упущений, исправление которых может сделать повесть еще более художественно полноценной.

М. АКСАКОВ,
корреспондент «Литературной газеты»
г. ФРУНЗЕ

Новые книги

Бахметьев В. Избранное. Гослитиздат. 808 стр. Цена 14 руб.

Бурсов Б. Русские революционные демократы о положительном герое. Лениздат. 212 стр. Цена 4 руб. 30 коп.

За рубежом. Сборник статей советских композиторов и музыковедов. Музыкальное государственное издательство. 196 стр. Цена 6 руб. 70 коп.

Каушутов А. Семья охотника Кандыма. Рассказы. Перевод с туркменского Б. Шатилова. Ашхабад. Туркменское государственное издательство. 212 стр. Цена 5 руб. 25 коп.

Кирк Г. Деньги дьявола. Роман. Перевод с датского Н. Крымовой. Издательство иностранной литературы. 224 стр. Цена 7 руб. 95 коп.

Лессинг. Избранные произведения. Перевод с немецкого. Гослитиздат. 640 стр. Цена 10 руб. 25 коп.

Лозовик Г. К. М. Станюкович. Критико-биографический очерк. Симферополь. Крымское издательство. 200 стр. Цена 3 руб. 30 коп.

Мериме П. Новеллы. Перевод с французского. Гослитиздат. 604 стр. Цена 9 руб. 80 коп.

Советская детская литература. Сборник статей. Детгиз. 272 стр. Цена 7 руб. 30 коп.

Тимонен А. Освещенные берега. Повесть. Авторизованный перевод с финского Н. Асанова. Петрозаводск. Государственное издательство Карело-Финской ССР. 208 стр. Цена 3 руб. 50 коп.

Улуг-Зода С. Обновленная земля. Роман. Перевод с таджикского С. Улуг-Зода и А. Н. Тихонова. «Советский писатель». 360 стр. Цена 6 руб. 20 коп.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый товарищ редактор!

Приношу глубокую благодарность всем учреждениям и общественным организациям, писателям и читателям, всем товарищам, приветствовавшим меня в день моего пятидесятилетия.

В. САЯНОВ

ФОТОФАЛЬШИВКА „ДЕЙЛИ ГЕРАЛЬД"

Снимок, опубликованный английской газетой «Дейли геральд» 18 июня

Форма одежды служащих народной полиции Германской Демократической Республики

Форма одежды полиции Западной Германии

7 ИЮЛЯ «Правда» в корреспонденции из Лондона рассказала о фотофальшивке, напечатанной английской газетой «Дейли геральд» 18 июня. Перед вами этот снимок. Лейбористская газета снабдила его подписью: **«Сопротивляющегося демонстранта полутащат, полунесут восточноберлинские полицейские».**

Достаточно, однако, взглянуть на форму этих двух полицейских, которые зверски расправляются с человеком в рабочей одежде, чтобы узнать в них полицейских из Западной Германии!

Может быть, редакция «Дейли геральд» не разобралась и по простоте душевной спутала форму западногерманских полицейских с одеждой, принятой для служащих народной полиции Германской Демократической Республики? Трудно представить себе такую «неосведомленность» редакторов лондонской газеты. Уж слишком резко отличаются характерные шлемы прусского образца, которые носят аденауэровские полицейские, от фуражек служащих народной полиции ГДР; это отличие в форме одежды полиции Западной и Восточной Германии отчетливо видно на помещаемых нами в качестве образца фотографиях. Нет сомнения, что редакция «Дейли геральд» пошла на сознательный обман своих читателей, совершила подлог.

Но английские читатели не хотят быть обманутыми. Они сами разоблачили фальсификацию. На следующий же день после появления снимка в редакцию «Дейли геральд» поступили многочисленные письма читателей. Схваченная за руку редакторы, помолчав пять дней, поместили одно из таких писем. При этом они последовали излюбленному правилу буржуазной печати: сенсационная клевета — на сей раз фотоснимок — была опубликована 18 июня на первой полосе газеты под кричащим заголовком. А опровержение — письмо читательницы — завёрстано в номере от 25 июня на четвертой странице в мало заметном месте и снабжено заголовком, маскирующим содержание заметки.

Вот текст письма:

«Берлинские беспорядки.

Вы совершили крайне досадную ошибку в подписи под вашей недавней фотографией «восточноберлинской полиции», водочащей бунтовщика.

Форма на вашем снимке принадлежит западноберлинской полиции.

Джун Мандс. Бармутроуд, С. В. 18».

К письму редакция сделала следующее примечание:

«Мы сожалеем об ошибке. Не приходится, однако, сомневаться, что восточноберлинская полиция применяла насилие во время беспорядков в Берлине».

Таким образом, уличенная в злостном подлоге газета «Дейли геральд» тем не менее продолжает распространять свою клеветническую версию о «расправе восточноберлинской народной полиции с демонстрантами». В этом утверждении столько же правды, сколько в подписи к фотоснимку, напечатанному на первой странице «Дейли геральд» 18 июня.

ОККУПАЦИОННЫЕ БУДНИ

Не проходит дня, чтобы немецкая печать не сообщила о новых бесчинствах военнослужащих американских оккупационных войск. Недавно депутат бундестага Отто Нибергаль огласил в боннском парламенте данные о преступлениях, совершенных американскими солдатами в одной из западногерманских земель — Рейнланд—Пфальц. Эти сведения были почерпнуты из западногерманских газет и потому, естественно, не могут нарисовать исчерпывающую картину. Но и они дают возможность судить, хотя бы неполно, о масштабах того, что происходит в Западной Германии. За время с января 1950 года по январь 1953 года американские военнослужащие совершили только на земле Рейнланд—Пфальц 3.400 преступлений.

В 1953 году кривая преступлений продолжала идти вверх. В той же земле Рейнланд — Пфальц за первые четыре месяца этого года было зарегистрировано 500 новых преступлений, совершенных американскими солдатами.

Вот несколько сообщений, взятых нами из различных западногерманских газет.

Дальхейм. Группа американских солдат затеяла драку с посетителями ресторана. Солдаты избили двух немцев, в том числе сына хозяйки ресторана, переломали мебель и перебили посуду.

(«Альгемейне цейтунг»)

Бад-Крейцнах. Поздно вечером трое американцев изнасиловали 25-летнюю женщину.

(«Эффентлихер анцейгер»)

Маннгейм. Американский солдат напал на улице на 15-летнюю девочку и нанес ей тяжелые ранения. С переломами переносица пострадавшая была отправлена в больницу.

(«Рейнпфальц»)

Алленбах. Местный житель 50-летний крестьянин Алоис Келль подвергся нападению американских военнослужащих. Хулиганы зверски избили немца и, бросив его в бессознательном состоянии на мостовой, уехали на легковой машине.

(«Ди фрейхайт»)

Эйленмюле. В полночь группа пьяных американских солдат остановила на шоссе машину и потребовала, чтобы шофер-немец отдал им деньги. Услышав отказ, американцы разбили стекла кабины, вытащили шофера и принялись его избивать. Затем американцы прокололи ножом шины и откатили машину далеко под гору.

(«Альгемейне цейтунг»)

Этот перечень кровавых «забав» можно было бы значительно удлинить.

Высокомерие и пренебрежение, с которыми американские солдаты относятся к «туземному населению», все возрастающее число бесчинств и преступлений, ими совершаемых,— все это давно вызывает неудовольствие и раздражение даже в кругах западногерманской буржуазии. В этом отношении чрезвычайно характерно выступление далеко не прогрессивной западногерманской газеты «Зюддейче цейтунг». Эта вполне благонравная, с точки зрения правительства Аденауэра, газета сочла тем не менее необходимым выступить со специальной передовой статьей, озаглавленной «Американцы в Германии». Мы приводим несколько отрывков из этой статьи:

«В то время как Эйзенхауэр и Аденауэр, сидя у камина и вполне довольные друг другом, нашептывают один другому тактические советы, это благорасположение исчезает, как только дело доходит до средних и низших инстанций. Оно утрачивается по мере продвижения сверху вниз как со стороны военных и гражданских оккупационных инстанций, так и со стороны массы немецкого населения. И это происходит восемь лет спустя после окончания войны»...

«Когда кончилась война, были конфискованы целые кварталы особняков. Ну, хорошо, так поступает каждая оккупирующая держава. Но... в американской зоне домовладельца Мейера* выбрасывали в военно-бюрократическом порядке, без мебели, давая ему минутный срок на сборы, на улицу, где он и пребывает, в большинстве случаев, до сегодняшнего дня. Ну, а если он рискнет осторожно заглянуть в свой дом, не исключено, что сержант Смит* вызовет военную полицию. Значит что-то тут не в порядке...

До сегодняшнего дня все еще ожидают напрасно начала работы немецко-американской комиссии по оценке конфискованных домов и мебели. Конечно, вместо армии сейчас действует гражданская администрация, но и она в значительной степени враждебна нам. Все дело в том, что нельзя обращаться с большим цивилизованным народом, как с племенем дикарей, лишь случайно переодетых в европейское платье».

Далее «Зюддейче цейтунг» пишет: «Дело не только в том, что до сегодняшнего дня, восемь лет после окончания войны, продолжаются убытки от контрабандного ввоза и вывоза товаров оккупантами, которые Шеффер (министр финансов Бонна.— **Прим. ред.**) оценивает вместе с потерями от неуплачиваемых налогов на сумму в один миллиард марок ежегодно; не в том, что продолжаются насилия, нападения на такси и т. п. Дело в том, что во многом продолжается хозяйничанье с изрядной порцией бесцеремонности.

Американские солдаты, которые по сравнению со своими прежними условиями жизни живут теперь, как в раю, благодаря удобным автомобилям, легко сбываемым сигаретам, доступным девицам и веселым кабачкам, особенно расположены к эксцессам. Речь идет, главным образом, о множестве мелких и крупных бестактностей, которые в сумме действуют, как настоящий яд. К ним относятся, например, аукционы, означающие, по сути дела, расточение чужой собственности. Так, например, недавно во Франкфурте оккупационные власти устроили аукцион изъятых из конфискованных квартир произведений искусства. Среди них было 150 картин. Если немец захочет протестовать против подобных злоупотреблений, он не может обращаться в немецкий суд, а всецело зависит от ведомственных инстанций оккупационных властей».

Газета рассказывает о «случае, который произошел с несчастным уличным точильщиком, за которым во время маневров в порядке развлечения американские солдаты гонялись в танке по узкой улице и раздробили ему ногу, причем бедняга не получил ни пфеннига компенсации».

«Зюддейче цейтунг» нельзя заподозрить в прогрессивных воззрениях. Это особенно чувствуется, когда читаешь в той же статье строки, написанные с явным удовольствием о том, что «немецкий Михель** в ближайшем будущем будет опоясан шпагой, так сказать, шпагой обороны материка». Газета всего лишь умоляет американцев вести себя несколько более благопристойно, чтобы не разрушить веры в аденауэровскую сказку об американском «союзнике» и о «равноправной» боннской республике, чтобы не помешать вовлечению немцев в возрождаемый вермахт.

Но слезная мольба газеты «Зюддейче цейтунг», обращенная к янки-оккупантам, вести себя хотя бы немного поприличнее, является любопытной иллюстрацией, характеризующей нравы военнослужащих оккупационных войск США в Западной Германии.

* Мейер, Смит — распространенные фамилии. Первая — немецкая, вторая — американская.

** Михель — нарицательное имя, издревле символизирующее «среднего немца».

ЧЕГО БОЯТСЯ КОЛОНИЗАТОРЫ

На медных рудниках Северной Родезии (британская колония в Африке) рабочих-негров при выходе из шахты обыскивают полицейские. Английский журнал «Сфир», опубликовавший этот снимок, на котором запечатлена сцена обыска, в подписи к фото объяснил, чего боятся британские колонизаторы: «Осмотр считается необходимым для того, чтобы предотвратить похищение рабочими взрывчатых веществ, запалов и детонаторов». В руках жестоко эксплуатируемых и угнетаемых африканцев это опасное оружие!

Снимок из английского журнала «Сфир»

Ганс МАРХВИЦА

Слово горняков

Ганс Мархвица — известный немецкий демократический писатель, автор романа «Кумяки», повествующего о жизни рабочего класса Германии в период Веймарской республики.

С земли руины сходят, брат.
Весна в окно стучится.
В забое молоты гремят —
Им больше не молчится.
Хороший час настал для нас.
Лечи быстрее раны!
Эй, брат забойщик!
В добрый час!
У нас большие планы.

— За дело! — требуют станки.
— Дай угля! — просят печи.
Что ж, мы — шахтеры-горняки —
Все топки обеспечим.
Хороший час настал для нас.
Лечи быстрее раны!
Эй, брат забойщик!
В добрый час!
У нас большие планы.

Мы не забудем никогда
Тот черный день далекий,
Когда нацистская орда
Из нас сосала соки.
Хороший час настал для нас.
Лечи быстрее раны!
Эй, брат забойщик!
В добрый час!
У нас большие планы.

Вся молодежь поет сейчас
О нашей славе песни.
Кто в мире значит больше нас
И кто в стране известней?!
Хороший час настал для нас.
Лечи быстрее раны!
Эй, брат забойщик!
В добрый час!
У нас большие планы.

От нас ждет подвигов народ.
Мы сил не пожалеем!
Пусть в штольне молот наш поет.
Свой план мы одолеем.
Хороший час настал для нас.
Лечи быстрее раны!
Эй, брат забойщик!
В добрый час!
У нас большие планы.

Перевел с немецкого
Василий ЖУРАВЛЕВ

Фрэнк ХАРДИ

С КНИГОЙ У РАБОЧИХ ТАСМАНИИ

В 1952 году по инициативе группы прогрессивных писателей Австралии было создано кооперативное издательство «Австрал-азиатское общество книги», ставящее себе целью издание и распространение книг прогрессивных писателей Австралии. Первой книгой, выпущенной в свет этим издательством, был известный советскому читателю роман Фрэнка Харди «Власть без славы». Несколько позднее издательство выпустило также его книгу о поездке в Советский Союз «Путешествие в будущее». Изданы также романы прогрессивных австралийских писателей Ральфа де Буасье «Жемчужина короны» — о Тринидаде и Эрика Ламберта «Двадцать тысяч разбойников» — из жизни австралийских солдат во время второй мировой войны.

«В Австралии сейчас, — пишет журнал «Миэнджин», — много хороших произведений, ждущих издателя. «Общество книги» собирается издавать их и распространять по дешевым ценам. Это послужит интересам и читателей и писателей».

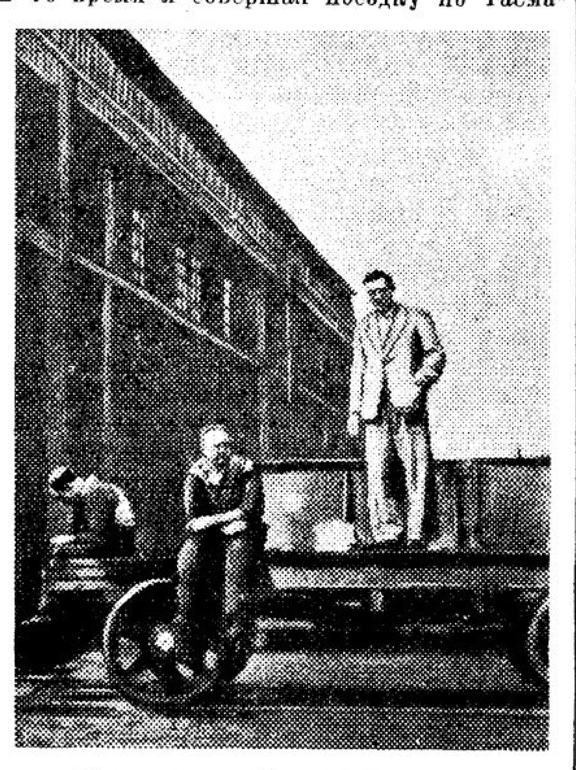
О том, в каких условиях приходится распространять прогрессивную литературу в сегодняшней Австралии, рассказывает написанный для «Литературной газеты» очерк писателя Фрэнка Харди о поездке в Тасманию по поручению «Австрал-азиатского общества книги».

...— Вы не имеете права запрещать собрания здесь.

Несколько не слишком удачных снимков, которые я получил вчера по почте, напомнили мне об этом собрании в железнодорожных мастерских. История его проста, но не лишена значения.

Это произошло в марте в Лансистоне. В то время я совершал поездку по Тасмании по поручению Австрал-азиатского общества друзей книги.

...— Товарищи, — обратился я в пространство, — я пришел сюда сегодня, чтобы рассказать вам о новом обществе друзей книги, созданном нами.

Тасмания — маленький остров, обозначенный не на всех географических картах. Он входит в Австралийский союз в качестве штата. Прогрессивное движение в «Тасси»* окрепло в последнее время, и моя лекционная поездка обещала быть интересной.

В Хобарте, главном городе штата, мы организовали многолюдное собрание и провели очень теплую и удачную встречу с рабочими доков в обеденный перерыв. Нам удалось создать здесь отделение общества друзей книги; в него вошли представители различных слоев населения — и профессор университета, и профсоюзные активисты, и молодежь.

Из Хобарта в Лансистон меня отвез на машине, принадлежащей профсоюзной организации, Джэк Станистрит — секретарь профсоюза железнодорожников Тасмании. В пути мы с удовольствием вспоминали прошлое: мы были старыми товарищами по рабочему движению и не виделись много лет. Мы любовались идущей вдоль моря дорогой и очаровательными пейзажами, заставлявшими вспомнить о своеобразной живописи, которой славится Тасмания. В то же время мы раздавали в пути дорожным рабочим и фермерам прогрессивные газеты и брошюры.

Ужинали мы в доме у Станистритов. За столом Ли, младший сын Джэка, услышав в разговоре имя Генри Лоусона **, оживился:

— Я знаю его стихи. Я читал «Стакан на стойке» на прошлой неделе в школе. Правда, мама?

— Не прочесть ли тебе эти стихи сегодня вечером на собрании? — спросил я полушутя.

После некоторого обсуждения за столом Ли, в конце концов, согласился, и в этот вечер я прервал свою речь, предоставив слово Ли Станистриту.

Переполненный зал затих, когда детский голос, вначале прерываясь от волнения, прочел стихи о рабочей солидарности, написанные Лоусоном в 90-х годах. Герои этих стихов — австралийские сельскохозяйственные рабочие. Три друга вошли в маленький захолустный трактир и заказали вино для четверых. «Наш товарищ умер,— сказали они хозяину,— но поставь его стакан рядом с нашими на стойку...»

Три друга сегодня грустят об одном:
О друге, что спит под могильным холмом.
Три друга, подняв три стакана вина,
Сказали: «Мы пьем за тебя, старина!»
И солнечный луч, как звезда, засиял
В стакане, что рядом на стойке стоял.

Но не об этом вечере пойдет дальше речь. Конечно, писатель не должен отклоняться от главной темы своего рассказа, но я знаю, как горячо советские читатели интересуются жизнью народа Австралии, и поэтому остановился и на этом эпизоде.

Собрание, о котором я хочу рассказать, состоялось в полдень следующего дня.

...Вечер с участием маленького Ли окончился. Я задержался у выхода из зала, записывая желающих вступить в Лансистонский кружок защиты нашей литературы, наших демократических традиций, национальной независимости и мира.

Почти все уже разошлись, но я заметил, что восемь-девять рабочих дожидаются меня.

В ту самую минуту, когда сторож собирался выключить свет и запереть двери, один из рабочих подошел ко мне:

— Послушай, Фрэнк! Не сможешь ли ты выступить на собрании в железнодорожных мастерских завтра?

— Насколько я знаю, собрания там запрещены. Лучше бы попытаться устроить это вне стен предприятия.

— За воротами не то. Рабочие не успеют собраться во время обеденного перерыва. Мы считаем, что настало время нарушить запрет и провести собрание в мастерских. Для этого нужно разрешение начальства, но тебе в нем, конечно, откажут.

На следующее утро ровно без пяти двенадцать я вошел в наружные ворота депо, никем не охраняемые, как мне и сказали, и пошел по длинной аллее ко вторым, внутренним воротам. Приблизившись к ним, я заметил вахтера в окне маленькой пропускной будки у главного входа. Он читал газету.

Никого больше не было видно.

Я подошел ближе — одна рука в кармане, в другой — пачка книг. Стараясь казаться ничем не озабоченным случайным посетителем, я смотрел прямо перед собой.

Каждую минуту мог раздаться голос:

— Где ваш пропуск? Имеете вы право входить сюда?

Затаив дыханье, я прошел через открытые ворота под самым носом у сторожа. Вот и заводской двор. Он был пустынен.

Я остановился, чтобы собраться с мыслями. В углу огромного двора — почерневшее от копоти здание с широким входом. На подъездных путях, ведущих к нему, говорили мне рабочие, будет стоять дрезина с платформой. Но ее там не было.

Вдруг, словно из-под земли, появились два человека. Они медленно толкали по рельсам дрезину к условленному месту. Я облегченно вздохнул и быстро направился к ней. Остановив дрезину, рабочие с невинным видом сели спиной ко мне на платформу. Я поднялся на нее.

Было пять минут первого. Все происходило так, как было задумано.

— Товарищи,— обратился я в пространство,— я пришел сюда сегодня, чтобы рассказать вам о новом обществе друзей книги, созданном нами...

И тотчас со всех концов депо стал быстро собираться народ. Люди окружили платформу. Вскоре вокруг меня образовался большой полукруг, примерно из пятисот рабочих.

В разгар нашего собрания фотограф-любитель из толпы снимал нас.

И в эту самую минуту я почувствовал, что кто-то дергает меня за штанину. Это был сторож.

...Я говорил об угрозе экономического и «культурного» вторжения американских монополий и их агентов в Австралию...

— Что вы делаете?

— Я? Выступаю.

Ответ показался рабочим смешным, и они встретили его взрывом смеха.

— Да уходи же, дай ему говорить!— крикнул коренастый рабочий, подходя ближе.

Я говорил об угрозе экономического и «культурного» вторжения американских монополий и их агентов в Австралию, призывал к защите нашей национальной независимости, к защите мира, к борьбе за прекращение войны в Корее. Затем я рассказал о наших демократических, революционных традициях, о литературе, читал стихи Генри Лоусона. Когда же я предложил желающим распространить бланки для записи в Австрал-азиатское общество друзей книги, многие вышли вперед.

Неожиданно высокий человек в черном костюме протиснулся через толпу ко мне, и вокруг наступила тишина. Я догадался, что это Моррис — управляющий и полновластный хозяин мастерских, несомненно, вызванный сторожем.

Это было испытанием. Недавно здесь были увольнения. В последние месяцы Моррис завинтил гайку еще туже. Осмелятся ли рабочие не подчиниться ему сейчас?

Моррис подошел ко мне с самым воинственным видом, рабочие сидели и стояли молча, наблюдая за происходящим.

— Сойдите с платформы! — потребовал он.

— Почему?

— Потому что вы находитесь на территории, принадлежащей железным дорогам. Сойдите немедленно, или я пошлю за полицией.

— Вы не имеете права запрещать собрание здесь.

— Я имею право, и право на это имеет министерство транспорта. Мы не потерпим здесь агитаторов.

Кто-то в толпе громко и решительно крикнул:

— Заткнись, Моррис, и дай ему говорить!

Раздались одобрительные реплики, и рабочие придвинулись ближе.

— Осталось всего несколько минут. Я буду говорить до свистка,— сказал я Моррису.

Пока я пояснял рабочим, каковы условия участия в кружке общества друзей книги, рассказывал о произведениях, намеченных к изданию, Моррис, хоть и напуганный единодушной решимостью собравшихся, не унимался:

— Я пойду звонить в полицию. Вам не поздоровится!..

Не обращая внимания на его слова, я продолжал:

— Вы можете купить «Путешествие в будущее» за 9 шиллингов 6 пенсов или за 7 шиллингов, если вы станете членом кружка и обяжетесь купить шесть книг в год. Давайте, товарищи, собирайтесь вокруг меня все, кто хочет купить книги.

Взволнованные и решительные, рабочие подходили ко мне. Из карманов поспешно вытаскивались деньги, чтобы заплатить за книги, некоторые покупали их вскладчину, по три-четыре-пять человек.

Пока я заполнял бланки, получал деньги, давал сдачу и надписывал книги, рабочий, который заставил замолчать Морриса, похлопал меня по плечу и сказал:

— Желаю удачи, Фрэнк, мы побили их сегодня. И мы поможем тебе в случае неприятностей.

Резкий свисток пронзил воздух, и большинство рабочих направилось к своим станкам. Многие громко прощались со мной и выражали свою солидарность. Те, кто еще не получил книги, остались. И через несколько минут вернулся Моррис. «Что здесь, праздник сегодня, что ли?—кричал он.— Отправляйтесь работать!» Но ни один человек не двинулся с места, пока не получил экземпляра «Путешествия в будущее», а если хотел вступить в общество, то пока не заполнил членский билет.

Разъяренный Моррис вел меня к выходу из депо, а рабочие провожали меня громкими аплодисментами.

Семенивший около нас сторож был охвачен страхом перед увольнением за то, что он не смог помешать собранию.

— Я сделал все, чтобы остановить его, — говорил сторож Моррису.

— Нет, ты не сделал, — рычал Моррис.

— Вы пытались так же, как он,— вмешался я. — Но наше собрание состоялось.

— Вам не поздоровится за это!

— Не думаю,— ответил я. — Люди твердо решили добиться свободы слова в депо.

Я заторопился к выходу, но заметил две внушительные фигуры. «Секретная полиция»,— подумал я.

Они в грубой форме допросили меня, но явно не решались арестовать. Спросили мое имя и адрес; они все равно знали, кто я, и я назвал себя.

— Вы еще услышите об этом, — сказали они наконец и отошли от меня, заметив приближающихся рабочих.

«Вот еще один пример того, чего могут добиться простые люди, когда они солидарны», — подумал я.

...Через несколько дней, когда я вернулся домой, я получил письмо от молодого рабочего Стана, который снимал нас во время собрания. Из десяти снимков, писал он, удались только шесть. Он писал, что его уволили. Этого следовало ожидать. К счастью, ему удалось устроиться на другую работу.

Позже Стан прислал мне снимки, что и дало мне мысль написать этот очерк.

* Так сокращенно называют Тасманию.

** Генри Герберт Лоусон (1867—1922) — наиболее крупный австралийский писатель конца XIX и начала XX века. В своих стихах и рассказах он повествует о жизни мелких фермеров, гуртовщиков, сельскохозяйственных рабочих. На русский язык переведен сборник его новелл «Шапка по кругу».

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-43, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02820.